

ИСТИННА

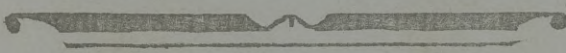
БЛАГОЧЕСТІЯ ХРИСТІАНСКАГО,

ДОКАЗАННАЯ ВОСКРЕСЕНІЕМЪ

ІИСУСА ХРИСТА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Заключающая въ себѣ всеобщія осно-
ванія, на которыхъ утверждается
ученіе о Воскресеніи Іисуса Христа.

ТОБОЛЬСКЪ,

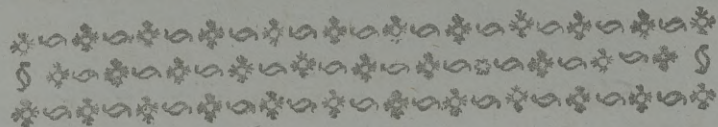
Въ Типографіи у Корнильевыхъ.

1804. года.

Съ дозволенія Святѣйшаго Прави-
тельствующаго Синода.

В-5597/2

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

въ которой качество и свойство
доказательствъ, кои разумъ че-
ловѣческой принимать долженъ,
вообще описываются и доказыва-
ются.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Краткое понятіе о сей матеріи
во всемъ ея пространствѣ.

Мы до сихъ мѣстъ старались толь-
ко приуготовить умы къ главному на-
шему намѣренію, тщаясь убѣдить каж-
даго, сколь нужно какъ вѣрующему,
такъ и невѣрующему строгое изслѣ-
дованіе сего дѣла. Теперь мы намѣ-
рены предложить Деистамъ основа-
ніе, посредствомъ коего думаемъ до-
казать, что Воскресеніе Иисуса есть
столь достоверно, что никакого о-
семъ не можетъ быть сомнѣнія.

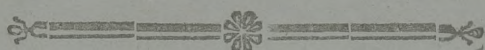
Сіе основаніе вообще есть не что иное, какъ доказательство, которое намъ могутъ сообщить бытописанія, и изъ котораго сколько ясно, столько и правильно можно вывести истинну сего Воскресенія.

Я кладу немедленно сіи два общія положенія:

1.) Воскресеніе Іисуса Христа основано на такихъ возможныхъ историческихъ доказательствахъ, которыя всѣхъ людей, коимъ они надлежащимъ образомъ будутъ предложены, и кои могутъ судить о нихъ по правиламъ хорошей и здравой Логики, обязываютъ признать совершенную его достовѣрность.

Отъ сего перваго положенія я приступаю къ понятію о всевысочайшихъ совершенствахъ Божіихъ, которыя признаютъ и почитаютъ какъ Деисты (по словамъ ихъ) такъ и Христіане — и говорю 2) совсѣмъ невозможно, что бы Всевышній, коего всеблагій и премудрый промыслъ вся управляетъ и особенное приемлетъ участіе во всемъ между разумными тварями производящемъ; не возможно, говорю, чтобы Богъ попустилъ когда либо грубому обману имѣть доводы

истинны, доводы необходимо сихъ
разумныхъ тварей заспадняющія имъ
вѣришь.

СТАТЯ ВТОРАЯ.

Способъ, которой употребленъ
будетъ для предложенія доказа-
тельствва Евангельскаго, взятаго
отъ Воскресенія Иисуса Христа.

Я буду считать себя имѣющимъ
право изъ сихъ двухъ положеній вы-
вести мое общее заключеніе, которое
сколько естественнымъ, столько и
яснымъ мнѣ кажется. Ибо если
Воскресеніе Иисуса замыкаетъ въ себѣ
доказательство таковаго рода, и если
ли совершенства Бога не позволяющъ
ему обманъ, каковъ бы онъ ни былъ,
утверждающъ такими доводами; то
изъ сего явнымъ образомъ слѣдуетъ,
что Воскресеніе Иисуса Христа оп-
нодъ не есть какой либо обманъ,
или что сіе Воскресеніе безъ сомнѣ-
нія было. Заключеніе не можетъ
быть оспорено, если вѣришь бу-
дущъ, что Богъ есть Существо

Пресовершенное, Преправедное и Все-
благое. Деисы увѣряютъ насъ, что
сіе есть самое то поняіе, которое
они о Всевышнемъ имѣютъ. Ежели
они мысли свои предлагать будутъ
свободно, то они должны намъ при-
знаться, что Всевышній, естли Вос-
кресеніе Іисуса Христа есть обманъ,
не можетъ допустить, чтобы сей
обманъ снабдивъ былъ такою досто-
вѣрностію, что люди необходимо
должны признать себя обязанными на
то согласиться и успокоиться.

И вотъ сіе то есть мое пред-
начертаніе, и сіе то есть главное
слѣдствіе, къ которому должно кло-
ниться все, что я предлагать имѣю.
Естли я сіи оба мои положенія ос-
новательнымъ и убѣдительнымъ обра-
зомъ докажу; то Деисы принужде-
ны будутъ или сложить съ себя
притворство и присоединиться къ
толпѣ тѣхъ невѣрныхъ, кои отри-
цаютъ бытіе и свойства Божіи, или
признать истинну Воскресенія Спаси-
телева, и чрезъ сіе подать намъ
случай, радоваться вмѣстѣ съ ними
столь щастливому обращенію.

Дабы намъ поступить въ семъ
дѣлѣ порядочно, то мы должны на-
блюсти четыре вещи:

1.) Описать свойство доказа-
тельствъ, коихъ ясная достоверность
или очевидность необходимо обяза-
ваетъ каждого на нее согласиться,
кто въ состояніи ее усматривать,
когда она ему въ полной своей силѣ
и явственности представлена будетъ.

2) Доказать, что доводъ, имѣющій
таковую достоверность или очевид-
ность, въ самомъ дѣлѣ и необходимо
обязываетъ на нее согласиться каж-
даго, могущаго ее усматривать и ко-
му она надлежащимъ образомъ пред-
ставлена будетъ.

3) Показать, сколь
сѣ невозможно, чтобы Божескій про-
мыслъ споспѣшествовалъ обману, под-
крѣпляя его таковою достоверностію,
или (что тоже самое будетъ) по
пуская ему оною быть утверждаему.

4) Мы должны наконецъ доказать,
что Воскресеніе Іисуса Христа осно-
вывается на такомъ доказательствѣ,
которое имѣетъ всѣ признаки и всѣ
свойства достоверности, необходимо
обязывающія человѣческой разумъ на
него согласиться.

Первыя три положенія будутъ
содержаніемъ сея вторыя части; а
для послѣдняго я посвящаю всю пре-
шю часть.

СТАТЬЯ ТРЕТІЯ.

Какое здѣсь доказательство можно назвать доказательствомъ, имѣющимъ явственную достоверность?

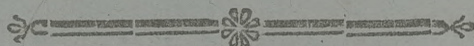
Мы начнемъ съ изъясненія словъ. И такъ что здѣсь значитъ очевидное доказательство, которое имѣетъ ясную истинность?

Я отвѣщаю: то, которое, будучи безпристрастно и по всѣмъ правиламъ здраваго разума изслѣдуваемо, находится такимъ, что оно не только надъ всѣми сильнѣйшими и яснѣйшимъ образомъ предложенными возраженіями одерживаетъ верхъ, но и самый разумъ не можетъ на него несогласиться, ежели онъ не хочетъ быть необходимо принужденнымъ допустить послѣдствія, которыя, по сужденію всего свѣта, ложны и нелѣпы, (и кои совсѣмъ не можно принять, если ихъ изслѣдовать строжайшимъ образомъ; понеже не льзя въ сіе впасть, какъ только посредствомъ нѣкоторыхъ худыхъ правилъ, подстрѣкающихъ разумъ, поступать

противу собственнаго своего позна-
нiя,) такъ что, еслили основанiя
съ обѣихъ сторонъ надлежащимъ об-
разомъ и со вниманiемъ будутъ раз-
смотрѣны, то основанiя доказательствъ
найдутся сильными, принудить
разумъ къ совершенному на нихъ сог-
ласiю въ той степени, каковую доз-
воляетъ упомянутой случай; и что
возраженiя недостаточны уничтожить
или ослабить силу основанiй; такъ,
что можно заключить, что вещь въ
самомъ дѣлѣ такова, какою ее намъ
помянутое доказательство представ-
ляетъ, еслили только употребленъ
правильной образъ мыслей и всякаго
суемудрiя, всякихъ предразсудковъ,
всякихъ насильственныхъ послѣдствiй
чуждыхъ.

Мы объяснимъ сiе же самое ко-
роче. Каждое доказательство, кото-
рое въ показанномъ случаѣ подаетъ
всѣ способы, нужные къ ясному и
естественному заключенiю и разрѣше-
нiю всѣхъ встрѣчающихся труднос-
тей такъ, что во всѣхъ подобныхъ
случаяхъ всякой человѣкъ принуж-
денъ будетъ совершенно на него сог-
ласиться; такое, говорю, доказатель-
ство въ самомъ дѣлѣ заставляетъ

каждаго, подать свое на него согласіе, кто надлежащее получилъ объ ономъ понятіе и можетъ право мыслить.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

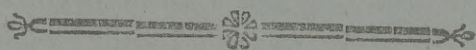
Сія ясная извѣстность совсѣмъ не есть такъ собственно называемое Математическое доказательство.

Описаніе сего доказательства, которое теперь видѣли, пребудетъ нѣ котораго поясненія, и мы здѣсь оное сдѣлаемъ.

1.) Мы потчасъ беремъ на замѣчаніе, что ясная достовѣрность, которую мы ему приписываемъ, не есть достовѣрность строгаго и совершеннаго доказательства, (демонстраціи) еснѣли подъ словомъ демонстраціи представляютъ то, что разумѣютъ подъ нимъ Логики и Математики. Ето справедливо, что совершенная демонстрація должна имѣть всѣ тѣ свойства, кои въ предшествовавшей статьѣ по порядку показаны. Но не каждое доказательство, которое ихъ

— II —

имѣетъ, есть совершенная демонстрація; понеже сія послѣдняя по своей природѣ должна имѣть еще нѣкоторыя особенныя свойства, немогущія бытъ приспособленными ни къ какому другому роду доказательствъ, коихъ достовѣрность, не смотря на сіе, шаткова, какъ мною сказано.

СТАТЬЯ ПЯТАЯ.

Увѣреніе, производящее въ насъ извѣстность, не есть ни столько ясно, ни столько необходимо, какъ увѣреніе Геометрическихъ доказательствъ.

И такъ я признаюсь, что извѣстность, доставляемая описанными доказательствами ни съ такою силою, ниже столь необходимо побуждаетъ разумъ на нихъ согласиться, какъ сіе можетъ дѣлать такъ собственно называемая демонстрація.

Я скоро буду имѣть случай показать различіе впечатлѣній, которыя демонстраціи и такъ называемыя доказательства производятъ въ разумъ.

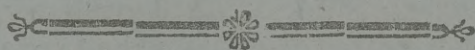
Въ прочемъ надобно утвердить, что есть доказательства, которыя обязываютъ насъ на нихъ согласиться, хотя они насъ къ сему не влекутъ, или, говоря языкомъ Философовъ, не принуждаютъ. Известно, какое принужденіе подъ симъ разумѣть должно. Всякой знаетъ, что у него происходитъ въ разумъ, когда ему предлагается совершенная демонстрація. Очевидность не терпитъ никакого противоборствія. Разумъ не можетъ болѣе сносить никакого сомнѣнія, и чувствуетъ, что онъ влечется какою по высочайшею силою, которая вынуждаетъ у его согласіе. Онъ не только не можетъ сему противиться, но и не можетъ остаться равнодушнымъ. Онъ долженъ согласиться, хотя бы сіе даже противно было склонностямъ человека. Сіе происходитъ отъ заключенія совсѣмъ особеннаго свойства, называемаго демонстраціею, чрезъ которую оно различается отъ всѣхъ другихъ заключеній. Оно выводится изъ известныхъ истинъ, которыя глубоко кроются въ нашемъ разумѣ, и столь близко согласуютъ съ его понятіями, что онъ вдругъ совершенно его убѣж-

даютъ и дѣлаютъ то, что онѣ
сколь скоро, столь и легко на нихъ
соглашается.

Есть другія доказательства, ко-
ихъ начала хотя въ прочемъ очень
сходны съ разумомъ, при всемъ томъ
однакожъ не столь тѣсно съ нимъ
сопряжены, и слѣдовательно не столь
легко и не съ такимъ успѣхомъ насъ
убѣждаютъ, какъ первыя. Они не
столь совершенно опнимаютъ всякой
случай къ сомнѣнію и изслѣдованію.
Надобно смотрѣть, какъ они согласу-
ются и сопрягаются съ первыми на-
чалами, и что изъ нихъ съ правиль-
ностію заключить можно. Сіе изслѣ-
дованіе при демонстраціяхъ гораздо
короче, или паче оно совсѣмъ не нуж-
но, по тому что начала у нихъ всѣ
естественны, порядочны, и взаимно
зависятъ другъ отъ друга.

Какъ бы то нибыло, однакожъ
сей другой родъ доказательствъ имѣетъ
довольную достовѣрность, я
не говорю, къ убѣжденію насъ, ибо
не о томъ рѣчь, но къ тому, чтобъ
необходимо обязать разумъ на нихъ
согласиться. Ето справедливо, что
они не берутъ никакого владычества
надъ разумомъ и не принуждаютъ его

такъ, какъ демонстрація. Однакожъ начала и послѣдствія такъ между собою связаны, что справедливость и разсудокъ всегда требуютъ, чтобъ въ нихъ войти и принять. Если они столь далеко простираются, то обязываютъ насъ на нихъ согласиться, понеже мы всегда должны поступать соотвѣтственно справедливости и разуму.

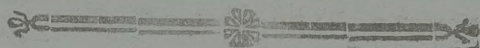
СТАТЬЯ ШЕСТАЯ.

Сіе доказательство, не смотря на то, имѣетъ такую очевидность, что она обязываетъ насъ на оное согласиться.

Въ обоихъ предшествовавшихъ разсужденіяхъ мы видѣли, какое доказательство не есть такого рода, о которомъ мы говоримъ. Теперь мы посмотримъ, каково оно есть, и 3) говоримъ, что доказательство, описываемое нами, вообще имѣетъ такую очевидность, что оно разумъ умнаго творенія обязываетъ на него согласиться, и притомъ во всѣхъ случаяхъ,

въ коихъ свидѣтельство чувствъ и
почная демонстрація не могутъ и-
мѣть мѣста.

Я также не хочу спорить, что
меньшаго доказательства, нежели какъ
сіе, не лзя найти въ числѣ тѣхъ,
коихъ очевидность достаточна заслу-
жить совершенное согласіе и разу-
момъ одаренную тварь обязать, на
сіе преклониться. Меньшая и не столь
явная достовѣрность дѣлаетъ вещи
только правдоподобными и вѣроятны-
ми; а не обязываетъ насъ и не дѣла-
етъ того, чтобъ справедливо и не-
обходимо было на предложенной ис-
тинѣ успокоиться. Сему причина та,
что ничто не можетъ быть доста-
точнѣйшимъ основаніемъ къ совершен-
ному успокоенію разума, какъ толь-
ко то, что сильно освободить его
отъ всякаго сомнѣнія. И сіе можетъ
послѣдовать не чрезъ иное что, какъ
чрезъ правильныя и ясныя доказы-
тельства, которыя выдерживаютъ всѣ ро-
ды изслѣдованія, и кои не могутъ
быть опровержены никакими умными
возраженіями.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

въ которой показывается, что такое доказательство, которое телерь описано, обязываетъ людей на немъ успокоиться, и по справедливости не можетъ быть отвергнуто.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Обязанность человека, согласиться на таковое доказательство, основывается на трехъ общихъ разсужденіяхъ о природѣ человека.

Мы должны въ другой разъ показать, что описанное нами доказательство обязываетъ совѣсть челоѣковъ на немъ успокоиться, и что оно, по справедливости, не можетъ быть отвергнуто. Мы займемъ наши основанія изъ двухъ источниковъ. Свойство челоѣческой природы покажетъ намъ первой; а другаго будемъ искать въ той покорности, каковой нравственная достовѣрность съ полнымъ правомъ отъ насъ себѣ требуетъ.

Сии двѣ главныя часпи подадутъ намъ богатой запасъ для увѣренія челоуѣковъ въ ихъ неизбѣжимой обязанности къ сему дѣлу.

Да будетъ намъ позволено начать со свойства нашей природы, и чтобъ сіе намѣреніе совершить съ пользою, раздѣлить ето на три части, которыя также будутъ составлять общія начала.

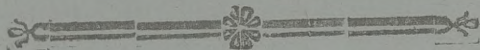
1.) Безконечно совершенный Творецъ, создавъ челоуѣка разумнымъ, установилъ извѣстный порядокъ или извѣстный законъ, который дѣйствіямъ разума служитъ правиломъ такъ, что сей разумъ въ употребленіи своихъ силъ обязанъ къ нему приспособляться, смотря на то, каковы побужденія, кои ему представляются. Когда Онъ сотворилъ насъ такими, что наши поступки должны разполагать разумнымъ образомъ, то Онъ не можетъ оставить, склонять насъ естественнымъ нѣкоторымъ пореваніемъ, которое согласно съ концемъ нашего существованія. Слѣдовательно то, что насъ къ сему склоняетъ, не есть одно дѣйствіе искусства, воспитанія, примѣра, или привычки.

В

2.) Однако же въ нашей состо-
имъ власпи, нарушить сей естест-
венный порядокъ и поступить про-
тиву должности, къ которой насъ
обязалъ Богъ.

3.) Еслили мы наконецъ о глав-
номъ намѣреніи Бога судимъ по силѣ,
которую Онъ намъ далъ, и которую
мы называемъ разумомъ, то можемъ
отсюда заключить, что разумомъ и
разсудкомъ одаренная тварь не толь-
ко по установленному Богомъ поряд-
ку, но и по необходимой крайности,
на показанной достовѣрности должна
успокоиться, и признать справедливы-
ми начала, при коихъ находится сія
достовѣрность.

Изъ всѣхъ сихъ разсужденій вид-
но, что доказательство сего свойст-
ва, еслили оно ясно будетъ предло-
жено, не оставляетъ въ насъ ни сом-
нѣнія, ни нерѣшимости, но паче
обязываетъ насъ необходимо принять
его.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Богъ, создавъ насъ разумными тварями, далъ нашему разуму известныя законы, по которымъ должны располагаться его дѣйствія.

Понеже первое изъ трехъ началъ, кои въ предъидущей статьѣ читаны, настоящему нашему разсужденію служить основаніемъ, то мы должны оное, сколько можно, изъяснить, и обработать его столь обстоятельно, сколько сего нужда требуетъ.

Я не изслѣдываю, въкоторыя ли Дѣятели, или всѣ сіи люди оное явно оспариваютъ, по тому, что сіе для меня ничего не составляетъ. Довольно, что для меня сіе начало, по моему намѣренію, очень важно, и что оно не столько ясно, чтобъ можно было считать его одною изъ тѣхъ истинъ, которыя сами себя доказываютъ. По симъ двумъ причинамъ уже довольно можно примѣнять, что обѣщанное обработываніе не бесполезно будетъ. Но когда сверхъ сего люди, съ которыми мы имѣемъ дѣло, суть

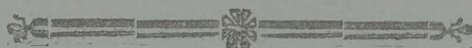
такого свойства, что они восхищаются явно смѣшнымъ сомнѣніемъ; то довольно понять можно, сколь велика ихъ дерзость издѣваться надъ всѣми вещами, которыя, не дѣлая открытаго дурачества, можно отрицать. По сему мы намѣрены дать всякое возможное изъясненіе; и для того назначаемъ слѣдующія разсужденія:

1.) Ежели говорятъ, что Богъ нѣкоторымъ существамъ, созданнымъ отъ Него для извѣстныхъ намѣреній, не далъ тѣхъ свойствъ, которыя нужны для исполненія того, къ чему они отъ природы опредѣлены, то совершенно открытымъ образомъ обвиняютъ его въ неразуміи и безсиліи.

На какой конецъ, на примѣръ, можетъ быть создана тварь, которую мы называемъ разумною? По признанію всего свѣта, она не къ чему иному можетъ быть создана, какъ чтобъ поступать разумнымъ образомъ, такъ какъ сіе согласно съ ея достоинствомъ и чредою, на которой она поставлена. Дѣйствіе очевиднымъ образомъ подполагаетъ потребныя къ сему свойства. Сии нужныя свойства суть первыя основанія

онаго, и какія могутъ быть другія основанія, кромѣ данныхъ намъ, съ самаго нашего зачатія, разположеній и склонностей, которыя побуждаютъ насъ поступать симъ, или другимъ образомъ? Однимъ словомъ, ежели говорятъ, что существо можетъ дѣйствовать, не имѣя нужнаго къ дѣйствию, то противорѣчатъ самимъ себѣ. И такъ я спрашиваю, Творецъ достигнулъ ли бы намѣренія, которое Онъ себѣ подполагалъ при созданіи человека такимъ, каковъ онъ есть, когда бы сотворилъ его только способнымъ къ разумнымъ дѣйствіямъ, не сообщивъ при томъ ему нужной силы, поступать разумнымъ образомъ; или когда бы далъ ему одну только способность разума, и лишилъ бы его способовъ къ ограниченію себя? Нѣтъ, совсемъ не такъ. Ибо Онъ самое изящнѣйшее позабылъ бы въ своемъ твореніи и въ немъ бы недоставало превосходнѣйшей части. Посмотрите, что дѣлаютъ благоразумные люди? Сіи не довольствуются тѣмъ, что они сдѣлали планъ своему дѣлу, и имѣютъ различныя къ сему намѣренія. Ихъ планъ и ихъ намѣренія всегда преимущественно кло-

нятся къ тому, чтобъ трудъ свой
здѣлать нѣкоторымъ образомъ полез-
нымъ, и дѣло не прежде выходитъ
изъ ихъ рукъ, какъ когда оно уже
въ состояніи произвести желаемое
дѣйствіе. Безконечная премудрость не
должна ли была сіе самое сдѣлать?
Что бы ещо за разумная была тварь,
у которой бы не доспавало нужныхъ
силъ и разположеній поступать раз-
умнымъ образомъ? Она бы была скуд-
ное произведеніе, опрывокъ, начатое
только и недоконченное созданіе. Та-
кій незрѣлый плодъ, естли дѣло
Всемогущаго и Премудраго Бога, ко-
его произведенія не требуютъ ника-
кого улучшенія и большаго украшенія,
понеже все, что Онъ производитъ,
вдругъ при первомъ взглядѣ заслу-
живаетъ величайшее удивленіе?

СТАТЬЯ ТРЕТІЯ.

Богъ не можетъ предостаѣтъ людямъ самимъ, достигать первыхъ способовъ, которые должны просвѣщать и руководствовать ихъ разумъ.

Мы приступаемъ ко 2 му разсужденію. Далѣе о всевысочайшихъ совершенствахъ Божіихъ дѣлаютъ нелѣпыя понятія, когда себѣ представляютъ, что Богъ, сотворивъ насъ такими, что мы можемъ поступать какъ разумныя существа, намъ самимъ оставилъ пешися о приобрѣтеніи нужныхъ разположеній и склонностей поступать такимъ образомъ, и намъ къ сему не далъ никакихъ другихъ средствъ, какъ только весьма неизвѣстныя, низкія и произвольныя, каковы суть воспитаніе, привычка и примѣръ другихъ.

Извѣстно, что естли бы намъ были оставлены сія заботы, то, что собственно называютъ человекомъ, было бы наше дѣло, а не дѣло Божества. Богъ подавалъ бы къ сему только матерію, а образованіе оной

намъ бы однимъ приписать слѣдова-
ло. Сіе достойно нѣкотораго размыш-
ленія. Прекраснѣйшее, изящнѣйшее и
чудеснѣйшее, что въ человѣкѣ нахо-
дится, есть разумъ, который раз-
личными, сколько благородными, столь-
ко и особливymi образами перемѣня-
етъ свои дѣйствія. Ежели разсудить,
что среди сихъ столь различныхъ
дѣйствій, разумъ всегда спремится
къ истинѣ, и воля всегда склоняет-
ся къ добру, и что сіе есть осно-
ваніе превосходства и счастья нашей
природы; то можно ли чистосердеч-
но повѣрить, что сіе разположеніе
содѣлалось въ насъ чрезъ наставленіе
или подражаніе другимъ? Могли ли
бы они намъ дать сію склонность
къ истинѣ и къ добру, если бы
мы ее не имѣли съ самаго нашего
начала? Ето не только была бы дер-
зость; нѣтъ, ето была бы совершен-
ная злость, когдабъ мы захотѣли
себѣ представить, что нашъ Тво-
рецъ не далъ намъ никакого другаго
свѣта, кромѣ того, которой намъ,
чрезъ правила искусства сообщаютъ
другіе, или что мы можемъ снис-
кать оной собственнымъ нашимъ ста-
раніемъ. Ежели только нѣкоторымъ

образомъ подумать о невѣжествѣ, о слабости, о предвзятыхъ мнѣніяхъ, о неразумности и пристрастїи въ сужденїи и о ложныхъ умозаключенїяхъ, которыя во всѣ времена между людьми господствовали; то ни одинъ такой, который не ослѣпляется, не согласится думать, чтобъ Богъ опредѣлялъ человека отдавать на произволъ другихъ. Мы вступаемъ въ свѣтъ къ чести нашего безсмертнаго Создателя, и къ пользѣ человеческого общества, коего мы члены. И такъ наши обязанности въ свѣтъ болѣе важны, нежели чтобъ намъ получать о нихъ наставленіе только отъ родителей, отъ нянекъ, отъ надзирателей, отъ учителей, да и еще отъ маловажнѣйшихъ людей.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Вѣдьмы бы Богъ намъ не далъ
сего закона, чтобъ онымъ руко-
содействовать нашъ разумъ, то
бы Онъ совсѣмъ никакого не и-
мѣлъ надъ нами нравственнаго
владычества.

Слѣдуетъ 3 разсужденіе. Ежели
оприцають, что Богъ человѣческому
разуму предписалъ извѣстные законы,
то сіе есть одно и то же, что оп-
рицать нравственное владычество Вы-
сочайшаго, и полагать, что Онъ че-
ловѣками также управляетъ, какъ у-
правляетъ бездушными и неразумными
тварями.

Ежели Творецъ не предписалъ
никакого правила нашему поведенію;
то всѣ наши поступки должныству-
ють быть для Него совершенно оди-
наковы. Такимъ образомъ движущія
насъ разположенія и склонности въ
самомъ дѣлѣ производятся отъ дру-
гихъ людей, коихъ наставленіе и
достоинство служатъ намъ вмѣсто
разума. Слѣдовательно мы не волю
Бога исполняемъ, когда дѣлаемъ добро;

также мы Ему не пропавимся, когда дѣлаемъ зло. Ибо что есть въ нашихъ добродѣтеляхъ такое, что бы могло Ему нравиться? Что есть въ нашихъ порокахъ такое, что бы могло Его раздражать? И дѣйствія чело-вѣковъ могутъ ли быть въ рассу-жденіи Бога нѣкоторымъ образомъ добродѣтельны или порочны? Если Онъ не далъ никакихъ законовъ, то различіе добра и зла, въ сужденіи Высочайшаго, испровержено. Мы столь-ко же мало должны отъ Него чего нибудь надѣяться, сколько Его и бо-яться. Его наказаніе и награды унич-тожаются въ сей жизни. Благодар-ность дѣлается не нужною, которая Ему принадлежитъ за величайшія вре-мяныя благодѣянія. Чувствіе мучи-тельнѣйшихъ скорбей сея жизни не будетъ болѣе насъ смирать предъ Нимъ. Все, что мы дѣлаемъ, не бу-детъ Ему ни угодно, ни пропав-но; и Ему никакого не будетъ до-стога дѣла, понеже Онъ не удосто-илъ предписать намъ то, что мы должны дѣлать.

Такимъ образомъ Богъ будетъ лишенъ всего своего Владычества надъ разумными существами, то есть, надъ

благороднѣйшею частію своего творе-
 нія. Такимъ образомъ не иначе сіе
 быть можетъ, какъ что Богъ свѣ-
 томъ, въ разсужденіи человѣка, у-
 правляетъ такъ же, какъ управля-
 етъ безсмысленными скотами и без-
 душными тѣлами. Что (а) слѣдуетъ

(а) Лукрецій книга 1. ст. 57 и проч.

Omnis enim per se Divum natura ne-
 cesse est,
 Immortali aeuo summa cum pace
 fruatur,
 Semota a rebus, seiunctaque longe,
 Nam priuata dolore omni, priuata
 periculis,
 Ipsa suis pollens opibus, nihil indiga
 nostri,
 Nec bene promeritis capitur, nec tan-
 gitur ira.

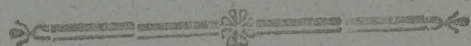
Сіе Эпикурово мнѣніе Цицеронъ теми са-
 мыми словами выразилъ. Кн. I. о природѣ
 боговъ. Vere exposita est illa sententia
 ab Epicuro, quod aeternum beatum-
 que sit, id nec habere ipsum negotii
 quicquam, nec exhibere alteri, itaque
 neque ira, neque gratia teneri, quod,
 quae talia essent, imbecilla essent
 omnia. То есть: „точно Эпикуръ сказалъ,

Епикурейцы утверждали сіе нелѣпное и гнусное мнѣніе, это не чудо. Но что люди, коимъ столь многія новыя открытія столько дали познать существо и совершенства Божіи, до чего древніе Философы совсемъ никакимъ образомъ не могли дойти, что люди, говорю, имѣющіе столь многія познанія, еще прибѣгаютъ къ системѣ Епикуровой, сіе, кажется, есть нѣчто ужасное.

Въ прочемъ пусть себѣ Деисты, ежели имъ шого хочется, всегда дѣлаютъ для себя столь странное и бѣдное Божество. Я долженъ имъ при семъ только сказать, что я никогда не буду убѣжденъ, признавать оное Божество достойнымъ моего служенія и моего поклоненія. И я думаю, что они совсемъ не должны быть людьми, которыми они себя выдаютъ, когда дѣлаютъ о Богѣ

„ что то, что вѣчно и блаженно, ни само
 „ не имѣетъ никакого дѣла, ни для другаго
 „ ничего не назначаетъ, и по тому не можетъ
 „ имѣть ни любви, ни гнѣва, понеже все то,
 „ что бы оное въ себѣ имѣло, было бы не-
 „ совершенно и слабо „

такія понятія, чрезъ кои навлекаютъ на Него презрѣніе. Ибо, ежели Философскимъ образомъ разсмотрѣть необходимыя свойства Творца, то со всею строгостію можно доказать, что сіи понятія заключаютъ въ себѣ совершенную невозможность.

СТАТЬЯ ПЯТАЯ.

Богъ первому человеку необходимо долженъ былъ дать сей законъ при его созданіи.

Я хочу сдѣлать еще 4е разсужденіе, которое должно быть не что иное, какъ усмремленный на Деяствъ вопросъ. Онъ касается до перваго человека, и сіи люди пусть на него опивѣствуютъ, какъ имъ угодно. При всемъ томъ однакожъ они, ежели я не весьма ошибаюсь, съ честію отъ него не отдѣлаются.

Я съ самаго начала подполагаю, что бытіе перваго человека есть та вещь, о которой между нами нѣтъ никакого спора, и что они уступаютъ, что родъ человѣческой не отъ

самой вѣчности, чрезъ постоянное
послѣдованіе родителей и дѣтей былъ
такимъ, каковымъ теперь есть. Е-
жели они мнѣ оспорятъ сей пунктъ,
то должны быть развращенны, не-
жели какими я ихъ себѣ представ-
ляю. Сверхъ сего еще не есть ка-
кой либо особенной членъ, который
одна только Христіанская религія
содержитъ. Иначе бы я предостерег-
ся его предложить, если бы не
снабдилъ его хорошими основаніями.
Не одинъ только былъ Моисей, ко-
торый человѣкамъ приписываетъ на-
чало и всеобщаго Отца.

Языческіе Стихотворцы (b) сіе же
самое сдѣлали, и я думаю, что лю-

(b) Лукрецій оное сдѣлалъ. Книга 5. стр. 325
и проч.

Praeterea si nulla fuit genitalis origo,
Terrae et coeli, semperque aeterna
fuere,
Cur supra bellum Thebanum et funera
Troiae,
Non alias alii quoque res cecinere
Poetae?

То есть: „ежели небо и земля не имѣли
„никакого начала и происхожденія, но ошѣ

ди, съ которыми я теперь имѣю дѣло, нимало не возражаясь противъ ихъ изреченій. Они такъ же не могутъ въ худую сторону толковать, что я беру сей случай имѣ напоминыть, что то, что Стихотворцы и многіе другіе писатели о семъ говорили, чемъ обыкновенно весьма наполнены ихъ творенія, очевиднымъ образомъ занято отъ Моисея, отъ Моисея, самаго древнѣйшаго Историка, какого только найти можно. Сіе Іустинъ мученикъ весьма хорошо показалъ языкъ

„ вѣка существовали, по чѣмъ за причина
„ что нѣкоторые Писатели не во пѣли древнѣйшаго
„ шаго чего либо, нежели какъ Фивская
„ война и разрушеніе Трои?

Также Гезіодъ Теогон. стр. 116.

.

То есть: „ съ начала былъ Хаосъ, а по томъ сдѣ-
„ лалась пространная земля. „ Еще находятся
на сіе ясныя мѣста у слѣдующихъ Стихо-
творцевъ: Гомеръ. Иліад. 18. и проч.
Виргил. Еклог. 6. стр. 34. Гораций. кн. 1. сатир.
3. стр. 99. Овид. превращ. кн. 1. стр. 5.
Орф. ар. Iust. de Monar. стр. 156. Софокл.
тамъ же стр. 154. et Cohort. ad Graecos.
стр. 88.

никамъ въ своемъ разсужденіи, (с) въ которомъ онъ со всею ясностію доказываетъ, что писанія сего Святаго мужа, (d) по времени, должны имѣть преимущество предъ всѣми ихъ Историками, предъ всѣми ихъ Законодателями, предъ всѣми ихъ Стихотворцами и предъ всѣми ихъ Философами.

Однакожъ я не хочу на семъ останавливаться. Мнѣ не остается теперь ничего болѣе дѣлать, какъ чтобы допустили бышіе перваго человека. Я не забочусь ни о образъ его сотворенія, ни о числѣ столѣтій, которыя протекли съ сего времени, ни о имени, которое онъ носилъ. Я только примѣчаю мимоходомъ, что языческій и (е) Іустиномъ мученикомъ упомянутый Оракулъ (ж) даетъ первому человеку сіе самое имя, Адамъ, которое онъ носитъ въ писаніяхъ Моисеевыхъ.

(с) in Paraenese ad Gentiles.

(d) стр. 62. по Оксфордскому изданію 1700.

(е) въ сей же самой книгѣ на лист. 128, гдѣ явствуетъ:

(ж) Французскій Господинъ переводчикъ при семъ сдѣлалъ сіе примѣчаніе: „сей упомянутъ Часть II. А

Я теперь приступаю къ моему вопросу, который есть сей: были ли даны первому человѣку разположенія и склонности употреблять силы своего разума, смотря на то, каковы представляемыя ему побужденія, или они ему не были даны? Скажемъ сіе самое другими словами: получилъ ли первый человѣкъ отъ Творца напечатлѣнный на разумъ его законъ, чрезъ который утверждается употребленіе онаго, или онъ не получилъ его?

пый Іустиномъ Оракулъ очевиднымъ образомъ есть дѣло Христіанина. Надобно только прочитавъ мѣсто, еслили хочешь о семъ увѣриться. И такъ сочинитель могъ бы еще опустишь, не умалчивая ничего важнаго.,, Господинъ ли Диппонъ, или Господинъ de la Chapelle имѣютъ справедливосшь, при всемъ томъ однакожъ изъ двухъ мѣстъ, кажется, ясно, что первый человѣкъ нѣкогорымъ язычникамъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Адама. Сего не только коснулся Евсей въ предуготовлен. Евангельск. кн. 1. гл. 10. лжст. 34. но и Гудей также предпринялъ оное доказавъ въ вопрос. Альнем. кн. 2. гл. 8. §. 1.

Еслили мы отвѣствуемъ, итъ:
я спрашиваю далѣе; откуда же пер-
вый человекъ взялъ основанія и раз-
положенія, которыя разуму его слу-
жаютъ правиломъ и наставленіемъ?
Откуда онъ взялъ оныя? Не изъ при-
роднаго ли впечатлѣнія, или, ежели
угодно такъ назвать, врожденнаго за-
кона? Ежели отъ инуда, мы не мо-
жемъ болѣе себя представить источ-
никовъ, какъ только три, изъ коихъ
онъ ихъ занялъ, то есть, повѣство-
ваніе другихъ, чрезвычайное вдохно-
вленіе Божіе, и впечатлѣніе, которое
внѣшнія вещи дѣлаютъ на чувства.
Первое изъ сихъ трехъ средствъ бы-
ло не возможно; второе противно Бо-
жеской мудрости; и третіе есть дѣй-
ствительное *petitio principii*, или
прибѣжище къ тому, о чемъ самомъ
идетъ споръ. Сіе будетъ видно въ
слѣдующихъ трехъ отдѣленіяхъ.

СТАТЬЯ ШЕСТАЯ.

Ежели первый человекъ не получилъ сихъ даровъ при своемъ созданіи; то недостатокъ оныхъ не могъ у него награжденъ быть ни чрезъ повѣствованіе другихъ, ни чрезъ нѣкоторое вдохновеніе.

Я сказалъ, что первое средство было невозможно, и сіе сполько ясно, сколько быть можетъ. Изъ повѣствованія другихъ первый человекъ не могъ почерпнуть никакого наставленія, по тому что онъ не имѣлъ ни родителей, ни приспавниковъ, ни учителей своего рода. Его также не лзя здѣлать ученикомъ птицъ, четвероногихъ скотовъ и рыбъ. Ибо могли ли бы сіи неразумныя животныя научить его, какимъ образомъ онъ долженъ употреблять свой разумъ?

Что касается до чрезвычайнаго вдохновенія, то видно, сколь много оно противорѣчитъ понятіямъ, которыми мы о мудрости Божіей имѣемъ. Ежели бы Богъ съ начала сотворилъ существо, одаренное однимъ только разумомъ, и потомъ бы вдругъ извнѣ

сообщилъ ему нужное наставленіе къ употребленію разума; то бы онъ постепенно созидалъ вещи, которыя Все-могущій и Премудрый Творецъ долженствовалъ бы совершить въ одинъ разъ. Еслии къ какому нибудь дѣлу надобно дѣлать разныя прибавки, прежде нежели оное довести можно до совершенства, то сіе всегда показывается недостатокъ или ума, или силы. Сей недостатокъ можемъ ли мы приписать Богу, не учиня пророчески? Можемъ ли Ему быть неизвѣстно то, что Его тварямъ можемъ дать красоту и пользу, имъ приличныя? И не далъ ли бы Онъ имъ сего, когда Онъ это знаетъ? Не можно себѣ представишь меньшаго степени благоразумія въ пресовершеннѣйшемъ существѣ, какъ что Онъ при первомъ взорѣ все проникаетъ и вдругъ избираетъ легчайшій и кратчайшій путь для совершенія великихъ намѣреній. Епо было выше всѣхъ мѣръ короче и лучше, чтобъ Богъ челоѣка съ самаго начала создалъ столько совершеннымъ, сколько онъ симъ быть долженствовалъ, и слѣдовательно это было Богу приличнѣе, нежели чтобы онъ сотворилъ прежде кусокъ, спо-

собный мыслишь, и по томъ спустя
иѣскольکو, опять къ нему присту-
пилъ и занялся имъ снова, чтобъ
его усовершенствовать и дополнить
то, чего еще въ немъ не доставало.

СТАТЬЯ СЕДЬМАЯ.

Первый человекъ не могъ себя
снискасть сего наставленія чрезъ
созерцаніе вѣшнихъ и падаю-
щихъ на чувства вещей.

Что мы на конецъ скажемъ о
впечатлѣніи, которое вѣшніе пред-
мѣты имѣютъ на чувства, и кото-
рое, въ недостаткѣ природнаго впе-
чатлѣнія, долженствовало быть един-
ственнымъ средствомъ, которое мог-
ло управлять разумомъ перваго чело-
вѣка? Видимыя дѣла Божія, кои бы-
ли представлены его глазамъ, упраж-
няли его разумъ, и онъ посредст-
вомъ размышленія о чудесахъ приро-
ды снискалъ способность разумно мыс-
лить. Вотъ понятіе, которое мы се-
бѣ дѣлаемъ о семъ послѣднемъ сред-
ствѣ, и мы утверждаемъ, что оно
значитъ совершенное *Ratio nem princi-*
pium, (что значитъ принимаешь за до-

казанное то, что доказанъ еще долж-
но) понеже оно подполагаетъ пра-
вило и основанія къ составленію зак-
люченій, которыя въ такомъ случаѣ
предварили бы тѣ примѣчанія, кои
первый человекъ могъ сдѣлать, дабы
чрезъ нихъ найти оное правило и
основанія. Что такое есть разсужде-
ніе, при коемъ нѣтъ никакого умст-
вованія и заключеній? И можно ли хо-
рошо умствовать о вещахъ внѣшнихъ,
можно ли намъ дѣлать заключенія,
когда нѣтъ утвержденнаго закона,
которой бы симъ или другимъ обра-
зомъ заключать обязывалъ? Пред-
ставьте существу, одаренному разу-
момъ, но неимѣющему нужныхъ рас-
положеній къ употребленію сего ра-
зума, тысячу міровъ, и сіе зрѣлище
никогда не дастъ ему расположеній,
которыхъ у него недостаетъ. Пред-
мѣты хотя будутъ дѣлать впечат-
лѣніе на его чувства, и симъ самымъ
попрясутся его чувственыя орудія;
но сіи предмѣты будутъ ли по по-
рядку располагаться въ его душѣ? Бу-
дутъ ли они въ ней составлять об-
разъ мыслей? Расположатся ли они
въ ней такъ, чтобъ мыслящее су-
щество, на которое они падаютъ, ни-

— 40 —

чего при томъ не дѣлало, но все
лишь терпѣло, и болѣе влеклося къ
слѣдствіямъ, нежели само ихъ дѣ-
лало?

Ето всякому понятно, сколь не-
лѣпо такимъ образомъ дѣлаютъ се-
бѣ понятіе о человѣческомъ разумѣ.
Душа наша вещественна ли, или есть
духъ, здѣсь все равно; какъ ето бу-
детъ видно въ слѣдующей статьѣ.

СТАТЬЯ ОСЬМАЯ.

Душа вещественна ли, или есть
духъ; при всемъ томъ одинакожъ
ни въ первомъ, ни въ другомъ
случаѣ впечатлѣніе внѣшнихъ
предмѣтовъ не можетъ произво-
дить мыслей, по крайней мѣрѣ
не можетъ дѣлать никакихъ слѣд-
ствій.

Мы во первыхъ подположимъ, что
наша душа есть невещественна. Еже-
ли сія душа есть самостоятельное,
совершенно различное отъ матеріи
существо, естли она есть другаго
рода, нежели тѣло, то внѣшнія пред-
мѣты, которые всѣ суть тѣлесны,
не могутъ въ ней производить рас-

положеній и склонностей разума, кои нужны къ мышленію, умствованію и заключенію. Какія необходимыя впечатлѣнія можетъ дѣлать матерія на существо, которое совсѣмъ не есть вещественно? Или какія дѣйствія можетъ она произвести въ самостоятельномъ существѣ, которое безконечнымъ образомъ отъ нее различно?

Теперь также изслѣдуемъ, какъ съ другой стороны говорятъ о семъ въ противоположенной системѣ: „душа, говорятъ, есть существо сложное токмо изъ матеріи, и мысли суть не что иное, какъ движенія нѣкоторыхъ тончайшихъ частичекъ. Ежели вибшія вещи или предметы поражаютъ чувства, то они движутъ чувственные орудія, и производятъ въ нихъ сотрясеніе, которое внутри продолжается. Впечатлѣніе чрезъ одно за другимъ слѣдующія движенія простирается далѣе, и наконецъ приходитъ въ то мѣсто мозга, въ которомъ совершаются движенія размышленія. И такимъ образомъ произходятъ мысли. Предметъ приводитъ въ движеніе частички, и сіе движеніе есть собственно дѣйствительное

Часть II. Е

„познаніе сего предмѣта.„ Матеріалисты кромѣ етого не разумѣютъ подъ симъ никакой тайны.

Я хочу теперь въ совѣтъ призвать опытъ и послушать, что онъ говоритъ. Сей научаетъ меня, что на познаніи предмѣта основываются извѣстныя слѣдствія, которыя я изъ онаго вывожу, и что каждое слѣдствіе есть начало, дѣйствительно различное отъ основаній, изъ коихъ оно извлечено. И такъ первое движеніе дѣйствительной мысли должно производить другія движенія, которыя дѣйствительно отъ него (перваго) различны, по тому что между обоими сими родами движенія необходимо должно быть тоже самое различіе, которое находится между основаніями и слѣдствіями.

Пусть части матеріи смѣшиваются, какъ хопятъ, при всемъ томъ однакожъ они не могутъ перемѣнить своего разположенія, ежели не будутъ ударены отъ посторонней матеріи. Когда сіе подполагаютъ, то движеніе, которое составляетъ основаніе, не можетъ произвести слѣдствія, еслии оно извнѣ не получитъ новаго удара.

Но чтожъ это за движущая причина, которая перемѣняетъ разположеніе въ движеніи частей? Тотъ ли она есть первый предмѣтъ, который падъ на чувства, или какая нибудь другая различная отъ него вещь?

Ежели она есть сей самый предмѣтъ, то и впечатлѣніе всегда остается тѣмъ же самымъ, и слѣдовательно оно никогда не произведетъ новаго движенія, различіе коего отъ перваго нужно къ извлеченію слѣдствій.

Ежели она есть другой предмѣтъ, то какъ сей можетъ произвести движеніе, отъ котораго бы я могъ нѣкоторымъ образомъ заключить къ первому? Возвращеніе на лошадь произведетъ ли въ орудіяхъ моихъ чувствъ движеніе, которое бы меня естественнымъ образомъ вело заключить, какъ устроенъ флотъ; или впечатлѣніе малаго растѣнія поведетъ ли меня къ Астрonomическимъ заключеніямъ?

И такъ мы, не обинуясь, можемъ сказать, что по системѣ Матеріалистовъ не можно заключать отъ одной вещи къ другой. Но что есть во всѣхъ другихъ системахъ извѣстнѣе и яснѣе, какъ возможность оное дѣ-

лать? Я разсуждаю о дѣйствіяхъ че-
 ловѣческаго разума, и вывожу изъ
 того сіи два слѣдствія: во первыхъ,
 что то, что въ насъ мыслитъ, не
 сложено изъ одной только матеріи;
 и во вторыхъ, что если бы сіе
 такъ было, то требовалось бы болѣе,
 нежели одного только присудствія,
 или одного только движенія внѣш-
 нихъ предметовъ, чтобъ силамъ на-
 шего разума дать различныя распо-
 ложенія движенія, кои нужны къ раз-
 личію его дѣйствій. Если гово-
 рятъ, сіи дѣйствія произошли изъ
 отталкиванія частичекъ въ спражду-
 щей матеріи и изъ одного Механичес-
 каго побужденія, то есть вновь
 Petitio Principii.

СТАТЬЯ ДЕВЯТАЯ.

Сей законъ столько же намъ ну-
 женъ, сколько нуженъ былъ пер-
 вому челоѣку, и по тому онъ
 также и намъ долженствовалъ
 быть данъ.

Теперь мы опять приступаемъ
 къ первому челоѣку. Мы предпріали
 показать, что онъ отъ Творца прі-

ялъ на сазанъ его написанный законъ, чрезъ которой онъ получилъ руководство къ употребленію онаго. Мы думаемъ, что мы сіе довольно утвердили, и по тому съ нашими заключеніями идемъ далѣе.

Ежели сей законъ нуженъ былъ первому человѣку, и Богъ долженствовалъ ему оной напечатлѣть; то есть вопросъ, сія самая надобность не простирается ли и ко всѣмъ чело-вѣкамъ? Мы употребляемъ оной законъ съ такою же необходимостію, съ какою его употреблялъ первый чело-вѣкъ, и можемъ быть еще съ большею. Если мы въ себѣ не принесимъ въ свѣтъ нѣкоторыхъ первыхъ основаній, посредствомъ коихъ могли бы различать одно отъ другаго, то мы не можемъ получить сего ни отъ кого болѣе, какъ только отъ подоб-ныхъ намъ. Но сколь бѣдна и жалка сія помощь? Сколь много находи-ся столь умныхъ людей, которые могутъ надлежащимъ образомъ устраи-вать разумъ дѣтей, или которые столько праводушны, что не даютъ ему ложнаго устройства? О сколь число ихъ мало! Должно ли думать, что благость Бога сопряжена только

была со всеобщимъ нашимъ опцемъ, и что Онъ ему только далъ сей внутренній свѣтъ къ управленію его разума, а несчастныхъ его потомковъ оставилъ собственнымъ ихъ заботамъ снискивать оный столько хорошо, сколько могли, и при томъ опваживаться на труднѣйшую и неизвѣстнѣйшую удачность?

Я съ симъ заключаю то, что я хотѣлъ сказать къ изъясненію моего, недавно упомянутого начала, то есть: „безконечно совершенный Творецъ, „создавъ насъ разумными тварями, „долженствовалъ поставить извѣст- „ный порядокъ или извѣстный за- „конъ, который бы поступкамъ и „дѣйствіямъ разума служилъ прави- „ломъ, такъ что сей разумъ былъ „бы обязанъ поступать соответст- „венно оному, смотря на побужде- „нія, кои ему представляются. „ Те- перь я смѣю надѣяться, что мнѣ не будутъ отрицать сея истинны. По крайней мѣрѣ мнѣ кажется, что она никѣмъ не можетъ быть оспорена, какъ только шѣми людьми, которые о Богѣ дѣлаютъ себѣ нелѣпнѣйшія по- нятія, и его обвиняютъ въ ономъ неразуміи, въ оной непроницатель-

ности, коей бы они сами устыдились,
если бы ихъ въ семъ подозрѣвали.

ГЛАВА ТРЕТІЯ,

въ коей изслѣдывается сила, ка-
кую имѣютъ люди, отвергать
довольное основаніе, не смотря на
то, что они отъ природы обязаны
принимать оное.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ,

Человѣкъ сотворенъ свободнымъ,
и его воля не сопряжена необхо-
димымъ образомъ съ разумомъ,
такъ что она иногда не посту-
паетъ по его познанію.

Утвердивъ, что есть законъ;
который человеку данъ для направ-
ленія его разума, и съ чистосердечі-
емъ долженъ признаться, что сей за-
конъ не всегда наблюдается, и по се-
му я дѣлаю начало: „во власти че-
„ ловѣка состоятъ, поступать въ
„ противность сему, на нашемъ ра-
„ зумѣ напечатлѣнному закону, и ра-
„ зумъ свой употреблять совсѣмъ

„ иначе, нежели какъ оный намъ
„ предписываетъ. „

Ежели только нѣкоторое внима-
ніе сдѣлаютъ къ человеку, то при-
мѣтятъ, что сіе начало долженств-
вуетъ быть допущено. Хотя Богъ
далъ намъ разумъ, однакожъ сущест-
во нашей природы не сопрягъ необхо-
димо съ хорошимъ употребленіемъ о-
наго. Хотя порядокъ, который Онъ
намъ предписалъ, есть премудръ, од-
накожъ Онъ совсѣмъ никакой не воз-
ложилъ на насъ необходимости, во
всѣхъ случаяхъ поступать по оному,
также и не принуждаетъ насъ къ
тому чрезъ предваряющую Божескую
силу или вліяніе. Ему угодно было
къ силѣ разума, которая есть не что
иное, какъ способность мыслить, раз-
суждать и познавать, присовокупить
другую силу, которая есть полезна
или вредна, смотря на то, какъ мы
ее употребляемъ. Сія послѣдняя есть
свободная воля, или свобода, кото-
рая дѣлаетъ, что мы можемъ имѣть
въ себѣ добродѣтели и пороки, сіе
основаніе наказаній и наградъ, кото-
рая знатно различаетъ насъ отъ
всѣхъ видимыхъ тварей, и произво-
дитъ безконечную разнообразность

въ дѣлахъ человѣческихъ. Посредствомъ сея свободы мы можемъ ту должность, которую на насъ возложилъ достопокланяемый нашъ Творецъ, исполнять или оставлять. То есть, мы можемъ съ одной стороны призывать въ совѣтъ разумъ и его отзыву надежно предаться. И съ другой стороны можемъ также или совѣтъ никакого, или только небрежное имѣть къ нему вниманіе, и это по тому, что или мы не даемъ себѣ времени вывести изъ того правильныя заключенія; или, что мы, когда дойдемъ до самаго дѣла, не обращаемся къ сдѣланнымъ заключеніямъ.

По утвержденному порядку природы, воля должна состоять подъ разумомъ, и только, по его познанію, брать свои намѣренія. Разумъ есть вѣрный путеводитель, который насъ освѣдомляетъ, что намъ должно дѣлать, и чего мы должны избѣгать. Онъ волю показываетъ распушія, (перекрестки) и воля остается свобода избранія. Ежели сіи силы сходствуютъ со свойствомъ вещи, естли разумъ довольно образованъ, и воля здѣлана послушною; то все, что мы дѣлаемъ, должно быть разумно.

Час. II Ж

Однакожъ, какъ бы то ни было; но довольно того, что сей есть естественный порядокъ, который никогда не бываетъ изпроверженъ, то есть, что воля никогда совершенно не рѣшится, какъ только на основаніи истиннаго или ложнаго, яснаго или темнаго заключенія. Иначе она не могла бы быть разумнымъ желаніемъ. (а)

Въ прочемъ изъ сего не слѣдуетъ, что заключенія разума воля дѣлаютъ нѣкоторое принужденіе. Самыя яснѣйшія и самыя правильнѣйшія заключенія сего не дѣлаютъ. Сколько онѣ ни бываютъ сильны, и сколь ни совершенно опредѣляютъ вещь, однакожъ воля всегда сохраняетъ свое господство и пользуется правомъ независимости тогда, когда она, какъ ей угодно, по послѣднему рѣшенію разума поступаетъ или не поступаетъ. Два только находится случая, въ коихъ ея выборъ всегда слѣдуетъ

(а) Воля у ученыхъ по тому называется *appetitus rationalis* разумнымъ желаніемъ, что она состоитъ *sub ductu rationis* подъ руководствомъ разума.

руководствующему ее познанию. То есть, когда это касается до добра вообще, и до высочайшаго добра (*). Понеже первое есть общій, и второе особенный предметъ воли, то она всегда къ сему склоняется. Но при всѣхъ другихъ вещахъ, и когда то, что намъ представлено, есть только частное, меньшее и съ высочайшимъ добромъ необходимо несопряженное добро: она не только имѣетъ свободу дѣлать или оставить что нибудь, но и избирать совсѣмъ различное и прямо противоположенное, или такъ же она можетъ со всѣмъ оставить выборъ. Сіе имѣ Схоластиковъ называется *libertas contrarietatis* или *specificationis*, и *libertas contradictionis* или *exercitii*. Сіи выраженія, по обыкновенію оныхъ людей, темны; но онѣ суть справедливы, и мы всѣ чувствуемъ, когда изслѣдуемъ насъ самихъ, что онѣ основаны на природѣ вещей.

Кратко: ежели разумъ знаетъ вещь надлежащимъ образомъ, и изъ его познанія извлекаются совершенно

(*) *bonum in communi et summum bonum.*

умныя заключенія; но онъ сдѣлалъ все, чего можно отъ него требовать. Прочее зависитъ отъ повиновенія страстей и воли. Но здѣсь то являе-
 ется узелъ. Ибо рѣшенія разума весьма часто бывають презираемы, воля противится онымъ, она ихъ оспори-
 ваетъ и, въ свою пользу, раздража-
 етъ страсти, кои возмущенно, къ которому она подала знакъ, достав-
 ляють побѣду. Разумъ въ семъ слу-
 чаѣ приводится въ замѣшательство, онъ перемѣняетъ свое мнѣніе и отъ одного къ другому до полѣ бросается, доколѣ его переимчивость не сдѣла-
 етъ, что онъ согласится на то, что мятежникамъ болѣе всего лю-
 безно. Такимъ образомъ совершенно
 бываетъ превращенъ естественный по-
 рядокъ. Воля занимаетъ мѣсто Гос-
 подина, и рѣшитъ; разумъ дѣлается
 рабомъ, и даетъ себя руководствовать.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

*Возмущеніе страстей чрезвычайно
 способствуетъ къ сему безпорядку.*

Если спрашиваютъ, откуда
 происходитъ сей безпорядокъ, то

легко на сіе отвѣтствовать. Онъ происходитъ изъ злоупотребленія нашей свободы. Сія можетъ дать, употребляя себя въ услуженіе страстямъ, и при томъ весьма часто дозволяетъ употреблять себя противу разума, который, какъ владыка, надъ всѣми ими долженъ господствовать.

И сіе дѣлается такимъ образомъ. Мы во вкусъ, который имѣемъ къ чувственнымъ вещамъ, можемъ идти далѣе, нежели сколько должны. Мы въ етомъ можемъ находить весьма великое удовольствіе. Мы можемъ крайне симъ плѣняться, и слѣдовательно уступать страстямъ, которыя насъ къ тому поощряютъ. Разумъ съ теченіемъ времени ослабѣваетъ, онъ развращается, и разполагаетъ себя по желанію поносныхъ своихъ тиранновъ. Сколь много онъ тѣряетъ своей силы, сколько приумножаютъ оной страсти, и присвоенная власть со дня на день становится больше. Духъ наконецъ дѣлается невольникомъ сердца, и разумъ, очарованный сильными прелестями, беретъ ту сторону, которую долженъ былъ оспаривать.

Вотъ произхожденіе того замѣшательства, чрезъ которое превращается естественный порядокъ. Тщепно разумъ съ самаго начала говоритъ, что должно дѣлать, и, какъ благо-разумный судія, рассуждаетъ. Низшія, но независящія силы, дѣло изъ судилища разума переносятъ въ свое, возстаютъ противу сужденій, которыя имъ не нравятся, и, ослабивъ ихъ чрезъ свое сопротивленіе, дѣлаютъ наконецъ то, что онѣ опмѣня-ются.

СТАТЬЯ ТРЕТІЯ.

Сколь наказанія достойно и о-ласно то, когда люди, оставивъ свои свѣденія, съ лишкомъ много слѣдуютъ своимъ склонностямъ.

Мы сдѣлаемъ на сіе нѣкоторыя примѣчанія, которыя можетъ быть не бесполезны будутъ.
I. примѣчаніе. Ничего не можетъ быть справедливѣе, какъ то, что столь часто говорятъ о людяхъ, что они грѣшатъ противъ лучшаго своего свѣденія.

Безъ сомнѣнія не возможно швorenію, одаренному разумомъ, ненави-
дѣть истинну яко истинну. Мы не
исключаемъ изъ сего и самаго Демона,
не смотря, что ложь и неправда ве-
личайшее имѣютъ участіе въ сопро-
тивленіи его Богу. Однако ненави-
дѣть истинну, поколику она про-
тивна нашимъ склонностямъ и нашей
какой выгодѣ, это сполько возможно,
что въ свѣтѣ нѣтъ ничего ни обык-
новеннѣе сего, ни легче. Ежели сему
побужденію слѣдуютъ очень много,
когда надлежало бы ему паче, по сво-
ей обязанности и по своей силѣ, про-
тивиться; естли ласкаютъ безстыд-
нымъ страстямъ, и ихъ чрезъ без-
мѣрную уступчивость дѣлаютъ съ
лишкомъ гордыми; естли имъ по-
рабощаютъ разумъ, и принуждаютъ
его къ поносному раболѣпству онымъ,
не смотря, что онъ прежде имѣлъ
ясное и безпристрастное познаніе о
противномъ; то сіе значитъ, въ стро-
жайшемъ разумѣ, грѣшитъ противъ
лучшаго свѣденія.

Я говорю, грѣшитъ; понеже са-
мая природа сего поступка дѣлаетъ
оной преступленіемъ. Мы дѣлаемъ
сіе, когда въ нашей состоитъ власти

не дѣлать. Можемъ ли мы не помыш-
 лять о нашей должностѣ? Можемъ
 ли мы не совѣтоваться со внутрен-
 нимъ прорицателемъ, насъ руковод-
 ствующимъ? Можемъ ли мы въ мол-
 чаніи не слышать того гласа, кото-
 рый насъ учитъ нашимъ должнос-
 тямъ и изпровергаетъ всѣ трудности?
 Преступленіе умножается иног-
 да чрезъ весьма извѣстныя обстоя-
 тельства, кои гнусность его вида
 увеличиваютъ. Сіе, по словамъ писа-
 нія, (а) случается съ тѣми, кото-
 рые не только грѣшатъ по невѣжест-
 ву, но грѣшатъ также по своевольст-
 ву, пріавъ познаніе истинны. Одна-
 ко здѣсь нѣтъ иного различія, кро-
 мѣ неравенства степеней. Ибо, хотя
 преступленіе неравно, но при всемъ
 томъ имѣетъ одинаковую природу
 у всѣхъ человѣковъ, кои предаются
 порокамъ, и при томъ не хотятъ вни-
 мать увѣщаніямъ разума или Божесп-
 веннаго, извѣстнаго имъ откровенія.
 Они всѣ грѣшатъ съ намѣренія, и
 безпорядокъ происходитъ отсюда,
 что у нихъ воля говоритъ противъ

(а) Евр. 6. 4. гл. 10. 16.

разума въ пользу оспаривающихъ его
спрастей.

Отсюда то происходятъ проши-
ворѣчія, въ коихъ они сами себя об-
виняютъ. Отсюда то происходитъ
споръ, который мучитъ ихъ душу.
Отсюда то происходятъ тѣ наглые
движенія, въ коихъ они говорятъ (b):

*Uideo meliora, proboque
deteriora sequor.*

„ Я вижу мою должность, я приз-
наю ее справедливою;
„ но мое сердце разстается съ
„ нею, увлекаясь противнымъ. „

Въ таковомъ прѣнни перемѣняется
видъ вѣшнихъ вещей. Тотъ же са-
мый предметъ въ одинъ разъ кажет-
ся хорошимъ, а въ другой худымъ.
То, что въ одномъ представленіи
кажется предосудительнымъ, тер-
питъ въ другомъ извиненіе. Прель-
щенный спрастѣми-разумъ вспомо-
шествуетъ имъ, обмануть самого се-
бя, и сторона, которую избираетъ

(b) Сіи слова читаетъ Овидій въ устахъ
Медее. превращ. 7. ст. 20.

Час. II

З

сердце, кажется напосаѣдокъ самую умнѣйшею.

2. примѣчаніе. Непосредственная причина всѣхъ преступленій, которыя мы дѣлаемъ въ нашей жизни, есть погрѣшительное сужденіе разума; но начальная и главная причина оныхъ есть злоупотребленіе свободы.

3. примѣчаніе. И такъ ничто не можетъ быть опаснѣе, какъ естьли не противятся наглости и буйству страстей, какъ скоро замѣчаютъ, что онѣ востаютъ противъ нашей должности.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Единственное средство къ предотвращенію сего несчастія есть то, чтобъ, изъ опасности во зло употребить свою свободу, надлежащимъ образомъ размышлять о томъ, что хочешь дѣлать.

4. примѣчаніе. Единственное средство, предускорять или предотвращать безпорядокъ, состоитъ въ томъ, чтобъ привыкнуть размышлять и нарочитымъ образомъ извѣсить то, что должно дѣлать.

Не довольно того, чтобъ только думать о всемъ томъ, что можетъ сильнѣйшимъ образомъ напечатлѣть на сердцѣ любовь къ обязанности и важность слѣдствій; но надобно также зрѣло то взвѣсить. Небреженіе человѣковъ о сей части, есть величайшее несчастіе. Оно причиняетъ всѣ имъ несчастія, оно ввергаетъ ихъ каждый часъ въ новыя опасности, и оно дѣлаетъ ихъ иногда совершенно несчастливыми въ семь свѣтъ, не говоря уже о томъ, что въ будущемъ съ ними послѣдуетъ.

Сии нарочитыя разсужденія должны быть общимъ упражненіемъ разума и воли. Ни о какихъ вещахъ не можно мыслить, еслии сего не хочешь дѣлать. Я не говорю о извѣстныхъ мысляхъ, которыя только случайно рождаются. Я разумѣю внимательное и нарочитое разсужденіе. Въ етомъ случаѣ необходимо содѣйствіе воли. Ежели угодно на сіе рѣшиться и продолжать етомъ трудъ, то надобно къ сему расположить волю, и расположить степенно. Люди оставляютъ сей трудъ, какъ скоро не видятъ хорошихъ причинъ, которыя бы насъ къ тому побуждали, и на

которыя бы надлежало согласиться. Слѣдовательно разумъ долженъ намъ представлять справедливость и необходимость оныхъ; а воля должна намъ дѣлать ихъ пріятными и легкими.

И такъ извѣстно, что все сіе отъ насъ зависитъ. Мы можемъ, когда захотимъ, нашъ разумъ доводить до самыхъ степенныхъ разсужденій. Мы это доказываемъ тѣмъ, понеже мы къ каждой другой вещи столь сильно или слабо можемъ прилепиться духомъ нашимъ, сколько намъ угодно. Мы велимъ первымъ мыслямъ проходить мимо, или переходить къ другимъ, какъ скоро въ насъ есть къ тому охота. Это есть безспорное дѣло. Сіе можно каждый часъ испытывать. И такъ малаго будетъ стоить труда, увѣриться о власти, которую люди имѣютъ надъ своимъ разумомъ. Это по истиннѣ зависитъ только отъ нашей воли, хорошо или худо употреблять оный.

Наконецъ, поелику проворство въ разсужденіи о нашей обязанности, есть одна изъ выгодъ, которыя можно себѣ снискивать; то справедливость и разумъ требуютъ, чтобы

не опускаеть достиженія оной. Можно ли что нибудь свискивать полезнѣйшее? Если что нибудь такое, презрѣніе чего болѣе бы влекло за собою нещастія? Поелику чрезъ сіе проворство, познаніе и любовь нашей должности глубже виѣдряются въ нашемъ сердцѣ; то разумъ становится сильнѣе и доставляетъ себѣ лучшее повиновеніе. Если опускаютъ свискивать оное; то духъ усыпляется и дѣлается неповоротливый, онъ оставляетъ чувствамъ и страстямъ господство, которое намъ сколько пошудно, столько и пагубно.

И такъ вотъ то, что мы хотѣли сказать о семъ дѣлѣ. Человѣкъ сотворенъ свободнымъ, и силою оной свободы можетъ отвергать или принимать описанное нами доказательство. Но сія свобода уничтожаетъ ли обязанность принимать его? Ешо быть не можетъ; по тому что употребленіе нашихъ силъ, каковы бы онѣ ни были, необходимымъ образомъ чрезъ вышшій законъ ограничено. Сіе то будетъ составлять содержаніе слѣдующія главы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

въ которой показывается, что съ закономъ, который намъ Творецъ далъ къ направленію дѣйствій разума, и съ намѣреніемъ, которое Богъ имѣлъ при сообщеніи сея силы, нѣтъ ничего сходнаго, какъ естьли мы все то принимаемъ за истинное, что зиждется на описанномъ нами доказательствѣ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Богъ въ наши души глубоко вѣдрилъ любовь къ ясности и истиннѣ.

Вспомните пои семъ о данномъ описаніи (*). „Здѣсь говорится о „доказательствѣ, которое все „имѣемъ, на чемъ мы должны „основываться, когда выводимъ ясныя и естественныя слѣдствія, и „хотимъ отвѣтствовать на встрѣчающіяся трудности. „Спрашивается теперь, обязаны ли мы всегда принимать доказательство такого свойст-

(*) I. гл. 3. слѣд. сея второя части.

ва? И человекъ, который хочетъ употреблять свой разумъ, не можетъ ли освободить себя отъ дѣланія онаго? Какъ можно въ епомъ сомнѣваться? Всѣ люди дѣйствительнымъ образомъ въ ономъ согласны, и мы познаніе и опытъ того, что мы всѣ дѣлаемъ въ семъ случаѣ, имѣемъ поруками. Сіе есть первое разсужденіе, и мы просимъ о немъ подумать.

Всѣ доказательства, которыя имѣютъ въ себѣ описанное свойство, какія бы вещи они ни утверждали, производятъ совершенное увѣреніе, и успокоиваютъ разумъ. Сіе дѣлается съ нами не по какому либо случаю, или только чрезвычайнымъ образомъ. Епо есть наша постоянная привычка, и привычка всего человѣческаго рода. Мы чувствуемъ въ себѣ природное къ тому побужденіе. Епо никогда не происходитъ безъ тайнаго удовольствія, что мы принимаемъ истинну, когда она такимъ образомъ намъ представлена. Ежели мы даемъ мѣсто сей ясности, разумъ нашъ вкушаетъ сладкое удовольствіе, которое происходитъ, и происходить должно изъ всѣхъ дѣйствій, въ коихъ единственно слѣдуютъ несмѣшаннымъ дви-

женіямъ любви достойной природы. Если противоборствуютъ сей достоверности, то совѣмъ другое бываетъ при томъ чувствіе. Скорбь и угрызеніе совѣсти всегда при семъ находясь. Мы примѣчаемъ, что нѣчто въ насъ не хочетъ быть довольно таковымъ нашимъ поступкомъ. Мы подобны людямъ, кои плывутъ противъ воды. Не хопятъ стремиться туда, куда понуждаются, и сіе сопротивленіе потъ часъ, молча, осуждаетъ нашъ поступокъ.

Изъ сего видно, что удовольствіе, которое мы себѣ дѣлаемъ, когда приедемъ ясную сію достоверность, совѣмъ не есть дѣйствіе воспитанія. Сему не можно научиться отъ другаго. Это справедливо, что имѣютъ искуство, имѣютъ правила, которыя насъ должны руководствовать въ испытаніи истинны. Но извѣстной образъ ученія нуженъ только тогда, когда мы хопимъ наше познаніе предложить другимъ. Мы не имѣемъ въ немъ нужды, чпобъ научить пріятію впечатлѣнія, которое въ насъ дѣлаютъ всѣ истинны. Мы знаемъ, хотя намъ никто не говоритъ того, отъ природы, что не должно ни оче-

видности оспаривать, ни останавливаться въ сужденіи, ежели не находимъ никакой справедливой причины сомнѣваться. Родители и учители ни чего при томъ не дѣлаютъ, кромѣ того, что они еще болѣе дѣтямъ подтверждаютъ сіе правило и ихъ въ ономъ усиливаютъ. Однакожъ правило напечатлѣно уже прежде, нежели они о томъ заботятся, и первая искры разума въ нѣжномъ дѣтствѣ подають примѣннѣйшія сего знаки.

Но къ чему сіе долго доказывать? Я ссылаюсь въ етомъ на всѣхъ людей и на всеобщій опытъ. Каждый можетъ о семъ судить по себѣ. Никогда не было ничего легчайшаго для рѣшенія. Еслили вознамѣрятся оспорить сію вещь, которая случается ежедневно; то я не знаю, что мнѣ далѣе должно будетъ говорить. Въ такомъ случаѣ я лучше бы хотѣлъ имѣть дѣло съ людьми, которые бы противъ меня утверждали, что вода и огонь суть тѣла одинакого рода, или что ясный полдень есть ночь.

По чему я справедливо продолжаю утверждать, что любовь ясной истинны есть *principium innatum*,
Час. II И

врожденное начало (*); что Творецъ напечатлѣлъ ее въ нашемъ разумѣ; что сей естественный порядокъ есть законъ, и что слѣдовательно мы поступаемъ по сему закону, еслии подаемъ свое согласіе такимъ образомъ описанной истиннѣ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Сія врожденная любовь къ ясной истиннѣ есть законъ, который данъ отъ Творца человеку, дабы онъ поступалъ по оному въ дѣйствіяхъ разума.

Второе разсужденіе утвердитъ предшествовавшее. Мудрый Творецъ одарилъ насъ силою разума на томъ концѣ, чтобъ мы все то принимали за истинное, что вышесказанную очевидную достовѣрность въ себѣ имѣетъ. Что бы намъ о семъ увѣриться, мы пройдемъ столь далеко, сколько можно.

(*) Ничто намъ врожденное, что намъ чрезъ наставленіе другихъ или при воспитаніи не доставляется.

Ето ясное дѣло, что человекъ имѣетъ силу, которая его дѣлаетъ способнымъ, принимать изъ которыхъ начала яко истинныя, и при сихъ началахъ, яко при истинныхъ, успокоиваться. Понеже сіе есть безспорно, то мы говоримъ, что какъ съ одной стороны сія сила не можетъ быть намъ дана ни для чего, то есть, чтобъ мы ее не употребляли, и ею не пользовались; равно съ другой стороны также Всевысочайшій, который намъ оную далъ, не могъ имѣть намѣренія, чтобъ она ничемъ не управлялась, то есть, чтобъ она поступала вольно и по свободному произволу, сколько ей можно, не взирая на впечатлѣніе, которое на нее могутъ дѣлать извѣстныя, предшествовавшія побужденія. Если бы онъ имѣлъ сіе намѣреніе; человекъ былъ бы только родъ *automatis*, самодвижущагося, которое чудеснѣйшимъ образомъ составлено. Въ разумномъ твореніи, которое мы выдаемъ за совершеннѣйшее дѣло Всемогущаго Бога, гораздо бы менѣе видно было благоразумія и знанія, нежели въ малѣйшихъ произведеніяхъ искусства человеческого. Понеже при сихъ всегда обыкно-

венно наблюдають то, чтобы дви-
женія были порядочны, и чтобы дѣй-
ствія происходили изъ извѣстныхъ
начальныхъ причинъ.

Ежели ето нужно, чтобы сила
разума, которая судитъ о истиннѣ
вещей, поступала въ семъ по извѣст-
нымъ движущимъ причинамъ, кои ее
ограничивають; то справедливо спра-
шиваютъ, какого рода и свойства
должны быть сіи причины? Какое на-
чало должно въ насъ производить то,
что мы называемъ согласіемъ на что,
и увѣреніемъ о чемъ либо. Сіе по
истиннѣ не можетъ быть ни тем-
нотъ въ разсужденіи представленна-
го предмѣта, ни сомнѣніе въ разсуж-
деніи разума, который о немъ раз-
суждаетъ. Творецъ нашъ болѣе Мудръ,
нежели чтобъ Онъ устави́лъ такой
законъ. Можно ли, не дѣлая Ему ве-
личайшей несправедливости, подумать,
что Онъ намѣренъ былъ намъ дать
неясность путеводительницею, и не-
извѣстность правиломъ. Если бы
человѣкъ таковымъ былъ созданъ,
онъ былъ бы совершенно несчастнымъ
и совершенно смѣшнымъ.

И такъ глубокое благоговѣніе,
довольющее Творцу, убѣждаетъ насъ,

что Его намѣреніе было, что бы нашъ разумъ поступалъ согласно такимъ разсужденіямъ, которыя ему даютъ о вещахъ справедливыя и ясныя понятія, или которыя по крайней мѣрѣ достаточны уничтожить всякое умное сомнѣніе. И такъ далѣе, по намѣренію Творца, мы необходимо обязаны многія вещи принимать за истинныя, которыя къ своему доказательству не имѣютъ ни свидѣтельства чувствъ, ни собственно такъ называемой демонстраціи. Оныя вещи, при коихъ не находится ни того ни другаго, не менѣе для сего заслуживаютъ наше согласіе, если только онѣ зиждутся на доводахъ, которыя имъ приличны. Такимъ образомъ мы выводимъ наконецъ всеобщее заключеніе изъ примѣчаній, которыя мы здѣлали на расположеніе нашей природы; то есть: что доказательство, которое есть таково, какимъ мы его описали, дѣйствительно и совершенно обязываетъ насъ къ согласію во всѣхъ случаяхъ, въ коихъ мы не можемъ имѣть никакого доказательства другаго рода.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

въ которой показывается, что описанное доказательство не можетъ быть отвергнуто, если не хотятъ опровергнуть все роды нравственной достоверности.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Сіе доказательство тѣсно сопряжено съ нравственною истинностію.

Мы не думаемъ, что мы до сихъ мѣстъ утверждали чтонибудь, что бы было не естественно; понеже мы нашими мыслями основывались только на такихъ вещахъ, которыя извѣстны всемъ людямъ, или о коихъ равно все люди легко могутъ быть увѣрены. Мы надѣемся, что то, что мы хотимъ сказать, не уступитъ прежнему ни въ силѣ, ни въ важности.

Все разрѣшается на сіе общее начало, что отверженіе описаннаго доказательства прямо опровергаетъ всякую нравственную достоверность, и намъ далѣе не позволяетъ вѣрить чемунибудь кромѣ того, что пада-

етъ на чувства, или слѣдуетъ изъ демонстраціи.

Ежели сіе есть справедливо, то довольно можно примѣнить, сколь необходимо нужно принимать безъ обиновенія описанное нами доказательство. И такъ мы намѣрены только утвердить истинну сего общаго начала, и наконецъ показать сіи двѣ вещи.

1) „Опроверженіе нашего доказательства прямо кончится тѣмъ, что оно опровергнетъ всякой родъ нравственной достовѣрности; или „чрезъ „опроверженіе сего доказательства, „нравственная ясность, на которой „основывается нравственная достовѣрность, дѣлается совершенно бесполезною.

2) „И однакожъ это очевидно, что „нравственная ясность не должна „быть опровергаема; или говоря другими словами: не должно доводить вещей до того, что бы въ свѣтъ „ничего не принимали за истинное „кромя того, что основывается на „демонстраціяхъ, или на свидѣтельствѣ чувствъ. „ Нѣтъ! Сему не можно и не должно быть

и это въ разсужденіи нынѣшняго состоянія человѣческаго рода было бы сколько невыгодно, столько и не возможно.

Еслили сіи двѣ вещи будутъ довольно утверждены, мы возвратимся къ первому нашему заключенію, то есть, что въ строжайшемъ смыслѣ сколько справедливо, столько и умно есть сіе, чтобъ нашъ разумъ успокоивался на доказательствѣ, о которомъ здѣсь говорится.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Нравственная достовѣрность не можетъ стоять, еслили сіе доказательство отвергается.

Нѣтъ ничего легче къ доказанію, какъ первое начало, которое мы предложили. Мы говоримъ: опроверженіе вышеописаннаго доказательства опровергаетъ всякой родъ нравственной достовѣрности. Вѣрно, что еслили требуютъ высочайшаго сипени нравственной извѣстности, то нѣтъ нужды въ какой другой ясности кромѣ той, о которой сообщено понятіе въ данномъ нами описаніи. Ежели со

вниманіемъ изслѣдуютъ сіе описаніе, то миѣ будетъ уступлено, что оно заключаетъ въ себѣ все то, что можетъ составлять доказательства въ различныхъ случаяхъ, въ которыхъ недостаетъ намъ демонстраціи, или въ коихъ чувства не могутъ насъ научить. И такъ оно содержитъ въ себѣ всю ясную истинность, которой мы въ такихъ случаяхъ по справедливости можемъ требовать, или которую дѣйствительно есть нужна, или которую въ самомъ дѣлѣ терпитъ природа вещей. Если отвергаютъ сію истинность, то это безъ сомнѣнія значитъ опровергать всякой родъ нравственной истинности. Причины суть равны. Не болѣе имѣютъ причины къ почитанію послѣдней, какъ и къ принятію первой, и мы необходимо должны имѣть къ нимъ одинаковое уваженіе, ежели не хотимъ самимъ себѣ противорѣчить. Если въ природѣ вещей нѣтъ никакого различія; то различіе, которое мы между ними дѣлаемъ, есть не что иное, какъ глупое своемысліе. Ежели не хотимъ вѣрить ни чему, кромѣ того, что основывается на свидѣтельствѣ чувствъ, или на Геометрическихъ де-

Час. II

монстраціяхъ; то вдругъ изгоняютъ изъ свѣта все то, что въ немъ подъ именемъ нравственной подлинности или ясности извѣстно.

Слѣдствіе столько очевидно, столько естественно течетъ изъ своего начала, что оно не требуетъ совсѣмъ никакого изъясненія. И такъ мы стараемся только показать, что нѣтъ ничего несправедливѣе, ничего нечестнѣе, и ничего невозможнѣе, какъ утверждать сіе.

СТАТЬЯ ТРЕТІЯ.

Нравственная истинность не должна у насъ терять своей силы.

Что бы намъ представить совершенную глупость основанія, которое хочетъ опровергнуть нравственную истинность, мы 2. говорили, что сія истинность не должна быть опровергаема, или иначе сіе выражая, что такіа доказательства вообще весьма важны человѣческому роду, и что оныя имѣютъ въчто такое, что душѣ дѣлаетъ совершенное удовольствіе и ее совершенно увѣряетъ.

Дабы разобратъ сей пунктъ, то
предлежатъ намъ двѣ вещи:

1.) Должно быть предложено
свойство нравственной истинности;
надобно увидѣть, сколь много мы о-
бязаны принимать ее; должно разсмо-
трѣть, на чемъ основывается сія о-
бязанность, и сію истинность снес-
ти съ истинностію Геометрическихъ
демонстрацій, чтобъ наконецъ намъ
можно было утвердить, въ чемъ онѣ
между собою столько сходны, что
могутъ имѣть одинакія дѣйствія въ
разумѣ.

2.) Послѣ сего мы рассмотримъ
пользу и необходимость сего рода до-
казательствъ; такъ какъ и гнусныя
слѣдствія, кои бы произошли изъ
отверженія оныхъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

въ которой утверждаются произ-
хожденіе, свойство и знаки нрав-
ственной извѣстности.

Что мы имѣемъ сказать о свой-
ствѣ нравственной ясности и извѣст-
ности, будетъ содержаться въ слѣ-
дующихъ положеніяхъ:

ПОЛОЖЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Есть извѣстные утвержденныя законы или правила нашихъ дѣйствій, на которыя люди вообще необходимѣ образомъ имѣютъ ближайшее вниманіе, смотря на себя не только какъ на людей разумныхъ, но какъ и на членовъ человѣческаго общества, и въ разсужденіи взаимнаго различнаго отношенія, чрезъ которое они сопряжены между собою.

Благоразположеніе и склонность, сложеніе тѣла и познаніе, выгоды и внѣшнія обстоятельства вообще имѣютъ вліяніе въ наше поведеніе, и сіи различныя, различнымъ образомъ ограничивающія насъ, побужденія, при встрѣчающихся случаяхъ располагаютъ наши поступки по мѣрѣ ихъ силы и по случаю, которой мы къ тому находимъ.

Что сіе истинно, то каждый человекъ можетъ узнать изъ опыта. Нѣтъ человека, котораго бы его дѣла и упражненія не могли научить, какъ это обыкновенно происходитъ. Мы ничего не дѣлаемъ, въ чемъ бы которое нибудь изъ сихъ побужденій

не имѣло участія. Мы о семъ столькоже увѣрены, какъ и о томъ, что мы существуемъ.

Но еслили спрашиваютъ, для чего такія начальныя основанія дѣйствій даны человѣкамъ, для чего сіи самыя, а не другія побужденія находятся въ разумныхъ тваряхъ? Мы на сіе не что другое можемъ отвѣстствовать, какъ только то, что мы относимся къ мудрой и безпредѣльной воли Великаго Создателя. Онъ долженствовалъ совершенно знать, какое лучшее средство міръ сотворить для человѣка и человѣка для міра. Онъ долженствовалъ знать, какіе законы наилучше удобны для человѣка въ разсужденіи его природы, его состоянія, и того намѣренія, которое онъ имѣлъ при его созданіи.

И ежели мы изъ опыта знаемъ, что есть въ свѣтѣ извѣстные всеобщіе законы; то мы вмѣстѣ также увѣрены, что оныя учреждены самымъ премудрѣйшимъ образомъ. И такъ, когда сіе безспорно, что дѣйствительно есть извѣстные особенные законы, кои Творецъ далъ человѣкамъ, то можемъ ли мы чрезъ сіе не быть довольно увѣрены и въ томъ, что ни-

какіе другіе не были бы лучше приспособлены къ природѣ и обстоятельствамъ человѣковъ?

Мы не видимъ при семъ никакого затрудненія, и по тому далѣе присовокупляемъ, что законы столько же нужны тварямъ, одареннымъ разумомъ, сколько и состоящимъ изъ одной матеріи, и что какъ сіи законы должны быть совершенно согласно разположены со всѣми взаимными отношеніями, и со всѣми необходимостями сея жизни; такъ и человѣки должны быть обязаны, поступать по нимъ во всемъ, что они дѣлаютъ яко твари, которыя одарены разумомъ и предуготовлены къ обществу.

Свѣтъ наполненный разумными тварями, которыя бы никакихъ не имѣли законовъ и правилъ, столь же мало являлъ бы мудрости и здраваго смысла, какъ и безобразная груда матеріи, въ коей всѣ тѣла одно другое оппалкиваютъ въ замѣшательствѣ, безъ порядка. Честъ Премудраго, Всемогушаго и Всеблагаго Виждителя также требуетъ, чтобы хорошій порядокъ и пристойное отношеніе находились между существами, одаренными разумомъ, какъ она требуетъ и того,

что бы сіе было между дѣлами природы.

По сему движущія причины, кои безконечная Божія мудрость дала человѣкамъ къ ограничиванію ихъ дѣйствій, должны быть постоянны и всегдашніи. Ни внезапный случай, ни наше свенравіе, ничего не могутъ въ нихъ перемѣнить. Ето не прилично разуму, чтобы онъ въ одну минуту поступалъ по правиламъ, которыя можетъ быть отвергаетъ въ другую. Сколь ни явна разнообразность дѣйствій человѣческихъ; при всемъ томъ однакожъ имъ должны быть даны одинакія всеобщія причины и цѣли. Симъ открывается мудрость Зиждителя. Инаковое разположеніе подало бы намъ противныя о немъ помятія. На оное хотя бы взирали какъ на дѣло Всемогущаго, но не взирали бы какъ на дѣло Премудраго Существа.

ПОЛОЖЕНІЕ ВТОРОЕ.

Изъ сихъ столь постоянныхъ и везде между разумными тварями установленныхъ законовъ можно заключить, что тѣ или другія

вещи производятъ естественнымъ образомъ, или не должны производиться.

Сію извѣстность естественныхъ приключеній выводятъ изъ утвержденныхъ естества законовъ, изъ которыхъ оныя должны производиться и производятся, когда они не перемѣнены, или ни на одну минуту не остановлены. Это справедливо, что Творецъ дѣйствіе сихъ законовъ легко можетъ остановить, да и совсемъ его перемѣнить, еслии только ему сіе за благо рассудится. Также справедливо и то, что мы ни чрезъ какую демонстрацію не можемъ увѣриться, что сіи дѣйствія впредь будутъ таковы-же, каковы они были прежде. „Но доколѣ однакожъ мы „не имѣемъ причины думать, что „порядокъ перемѣненъ, то за „справедливое почитаемъ, что сего „и не бываетъ. „Ежели мы видимъ, что солнце заходитъ, то имѣемъ безопасную надежду, что оно опять взойдетъ въ слѣдующее утро. Мы нимало не сумнѣваемся, что пары станутъ подниматься на воздухъ, что роса и дождь падутъ на землю, что растѣнія снова паки выростутъ,

и что времена года по порядку одно за другимъ будутъ слѣдовать. Въ прочемъ однакожъ всего сего ничто не можетъ переменить, какъ только чтобы Владыка вселенныя рекъ слово, и мы со всѣмъ тѣмъ ни какой не имѣемъ Математической извѣстности, что онъ сего не здѣлаетъ; и извѣстность, которую мы приобрѣли о заключеніяхъ природы изъ слѣдствій, выведенныхъ изъ законовъ естества, есть точно такая же, какую мы имѣемъ и о нравственныхъ произшествіяхъ при помощи слѣдствій, извлеченныхъ изъ нравственныхъ законовъ. Какъ въ послѣднемъ, такъ и въ первомъ случаѣ это есть умная извѣстность, хотя она и не есть такъ собственно называемая демонстрація.

Для чего бы я долженствовалъ думать, что сей человекъ въ своихъ поступкахъ не будетъ имѣть предъ глазами своей пользы, когда ее совершенно знаетъ; или что другой, слѣдующій сильнѣйшимъ своимъ склонностямъ не будетъ дѣлать того же, что здѣлалъ бы каждый при такихъ склонностяхъ, и въ такихъ обстоятельствахъ? Если я вижу всѣ побужденія, которыми человекъ обыкновенно-

Час. II К

венею преклоняются, и кои ихъ всег-
 да симъ или другимъ образомъ огра-
 ничиваютъ; то я долженствовалъ бы
 быть или великимъ любомечтате-
 лемъ, или весьма своенравнымъ, еже-
 ли бы представилъ себѣ, что буду
 поступать противъ природнаго сво-
 его побужденія, совратятся съ над-
 лежащаго пути, и станутъ дѣлать
 противное тому, что дѣлаютъ въ
 такомъ случаѣ всѣ человеки. Ни о-
 динъ съ здравымъ разумомъ не сдѣ-
 лаетъ себѣ сего принужденія, „хотя
 „, бы ето происходило по нѣкоторымъ
 „, причинамъ вышшимъ, которыя силь-
 „, нѣе, нежели обыкновенный ходъ ве-
 „, щей. „ Даже и тогда пожертвова-
 шіе меньшею выгодною для вещи, отъ
 которой надѣются получить боль-
 шую, есть дѣйствіе всеобщихъ зако-
 новъ, кои всегда родомъ человѣческимъ
 управляли, и впредь всегда управлять
 будутъ. Если поступаютъ противъ
 своего уморасположенія, противъ сво-
 ихъ склонностей, противъ извѣст-
 ныхъ намѣреній, которыя, какъ ка-
 жется, справедливымъ образомъ по
 всѣмъ обстоятельствамъ имѣть дол-
 женствовали, и дѣлаютъ сіе по важ-
 нымъ противоборствующимъ основа-

вѣямъ; но перемѣняютъ только част-
 ные побудительныя причины; при
 всемъ томъ однакожъ всегда слѣду-
 ютъ всеобщимъ правиламъ. И такъ
 ежели я не вижу ни какой причины,
 которая бы могла перемѣнить или о-
 становить обыкновенной порядокъ въ
 поведеніи человѣковъ; то я столько
 же имѣю основанія ожидать того,
 что всегда въ такомъ случаѣ быва-
 етъ, сколько онаго могу имѣть, ког-
 да думаю, что день и ночь, зима и
 лѣто, какъ обыкновенно, будутъ слѣ-
 довать одно за другимъ, доколѣ ни
 чего не вижу въ природѣ, чтобы ей
 угрожало совершеннымъ замѣшательст-
 вомъ.

Прибавленіе. Изъ сего надобно
 познать природу и истинное произ-
 хожденіе того, что мы называемъ
 нравственною извѣстностію и нравст-
 венною невозможностію.

Я каждый разъ приобретаю нравст-
 венную извѣстность, что таковыяпо
 дѣйствія случаются или не случаются.
 Сколь часто надлежало бы произойти
 очевидному противорѣчію, и самой не-
 лѣпой глупости, если бы я сказалъ,
 что сіи или тѣ дѣйствія произве-
 дены или не произведены чрезъ уста-

новленные законы. Ибо когда я увѣренъ, что сія законы не терпятъ подположеннаго противорѣчія; то я полное имѣю право, не противорѣча разуму, думать, что вещи пойдутъ своимъ естественнымъ путемъ. Въ томъ же самомъ разумѣ, и на томъ же самомъ основаніи говорящъ, что вещь нравственнымъ образомъ невозможна, когда говорится о томъ, что человѣки дѣлаютъ по извѣстнымъ правиламъ, по которымъ они всегда поступаютъ, ежели нѣтъ важныхъ причинъ, кои ихъ отъ того удержи-
ваютъ. Сія невозможность хотя не есть безусловная, однако жъ, при одаренныхъ разумомъ существахъ, одинакого рода съ такъ называемою невозможностію природы, при тѣлесныхъ и падающихъ на чувства существахъ. Первая есть таковою въ столь же собственномъ и точномъ разумѣ, какъ и въпоря, ежели смотрѣть на различіе установленныхъ законовъ. Естьли, на примѣръ, говорится о нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ приключеніяхъ, которыя должны касаться до каждаго; то мы, не обвиняясь, говоря, что невозможно, чтобы памяць оныхъ совершенно изтребилась;

это невозможно, чтобы обманъ, относящийся до одного народа, или до великаго числа народовъ, выигралъ нѣкоторую важность предъ глазами многихъ тысячъ поклянувшихся между собою непріятелей, у коихъ нѣтъ недостатка ни въ искусствѣ, ни въ хитрости, ни въ силѣ, ни въ случаяхъ, открытъ оной; это невозможно, чтобы сторона, имѣющая въ своей власти всѣ выгоды къ сохраненію своей силы и къ совершенному низложенію силы своихъ соперниковъ, все сіе пренебрегла и другимъ подала средство, попрасть себя. Таковыя вещи смѣло называютъ невозможностями, не по тому, что въ нихъ есть нѣкоторое Физическое противорѣчіе, но по тому, что онѣ суть политическое противорѣчіе; понеже политическія намѣренія, кои имѣютъ вліяніе на разумъ и волю человѣковъ, должны ихъ нудить поступать иначе. Польза общества есть всеобщая выгода, о которой каждый долженъ пешися, и сія всеобщая польза въ разсужденіи общества есть тоже, что собственная выгода каждаго въ особенності члена, изъ коихъ оно состоитъ. Это есть столькоже глупо,

ежели воображаютъ общество, которое поступаетъ противъ изысканной своей выгоды, когда въ его состоитъ власти соблюсти или сберечь оную, какъ и то, если бы кто нибудь вздумалъ себя представить человека, которой бы старался дѣлать самому себя зло, и избѣгалъ бы случаевъ споспѣшествовать своему благу.

ПОЛОЖЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Въ извѣстныхъ случаяхъ, въ концѣ къ доказательству истинны вещей приводится только человеческое свидѣтельство, могутъ уломянутые всеобщіе законы столь тѣсно съ онымъ быть сопряжены и свойство повѣствованія толикаго требовать къ тому вниманія, что мы на истинну и подлинность тѣхъ вещей съ совершеннымъ удостовѣреніемъ положиться можемъ, опираясь на одно человеческое свидѣтельство, хотя оно не имѣетъ другихъ доказательствъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что свидѣтельство необходимо составляетъ часть нравственной достовѣрности. Но погрѣшаютъ, если думаютъ, что оно

составляетъ все или по крайней мѣрѣ значительную ея часть. Свидѣтельство при нравственной извѣстности есть тоже, что начало въ Силлогизмѣ, при которомъ надобно имѣть оныхъ два (скрыты ли они будутъ или явны,) ежели хочешь сдѣлать заключеніе.

Я не хочу говорить сего о тысячѣ малостей, которыя въ свѣтѣ случаются каждую минуту; но однакожъ я утверждаю, что сіе истинно въ разсужденіи безчисленныхъ исторій, коихъ въ немъ весьма великое множество.

И такъ я утверждаю, что, еслили изъ свидѣтельства хочешь сдѣлать доказательство столь совершенное и столь правильное, сколько то позволяющъ природа вещей, то должно разумнымъ образомъ открыть силу и важность свидѣтельства, и при томъ взиравъ на законы, къ которымъ человеки имѣютъ вниманіе по различной связи и по различнымъ обязанностямъ, коими они сопряжены между собою.

И такъ доказательства сего рода разрѣшаются на сіе формальное заключеніе: ежели въ представленномъ

случай находятся обстоятельства действительно тѣ или другіе; то и дѣйствіе оныхъ должно быть также то или другое.

Телерь обстоятельства суть дѣйствительно сіи, или другія. Слѣдовательно и проч.

Въ семъ формальномъ заключеніи слѣдствіе перваго положенія основывается на всеобщихъ законахъ, о коихъ мы говорили. Ибо изъ познанія, которое я имѣю о разположеніяхъ, о склонностяхъ человѣковъ и о ихъ постоянномъ образѣ дѣйствій, заключаю, что изъ сего необходимо должны произойти тѣ или другія дѣйствія.

По моему мнѣнію свидѣтельство есть второе положеніе, понеже я сіе знаю отъ другой особы, что обстоятельства дѣйствительно суть тѣ или другія.

Хотя истинна моего заключенія частію зависитъ отъ истинны сего втораго положенія, и хотя я не бо-
лѣ могу быть увѣренъ о первомъ, сколько увѣренъ о другомъ; однако, не взирая на то, можетъ быть такой случай, что я могу имѣть причину столько на истинну втораго

положенія надѣяться, что у меня не останется ни малѣйшей тѣни сомнѣнія въ извлеченномъ изъ него слѣдствіи. Самыя основанія, кои мнѣ даютъ сію достоверность, могутъ быть такого свойства, что противъ нихъ никакого нельзя дѣлать возраженія.

Ежели я къ извѣстной о свидѣтелѣ искренности и любви къ истиннѣ присовокуплю слѣдующія разсужденія, что ему совсемъ невозможно во лжѣ найти никакой выгоды; что онъ въ разсужденіи сего никакого не можетъ имѣть въ томъ удовольствія; что обманъ скоро симъ или другимъ образомъ долженъ открыться; что свидѣтель не можетъ себѣ вообразить, что истинное положеніе вещи будетъ долгое время оставаться неизвѣстнымъ; и что онъ чрезъ обманъ у всѣхъ придетъ въ ненависть и презрѣніе; ежели, говорю я, всѣ сіи разсужденія и множество другихъ столькоже важныхъ соберу вмѣстѣ; то мое заключеніе не лишится достоверности по тому, что и формальнаго моего заключенія положеніе утвердилъ на свидѣтельствѣ другаго. Ибо мои мысли при семъ дѣйствительно суть сіи:

Час. II

Л

Я знаю, что всѣ человѣки имѣютъ свои причины на все то, что они дѣлаютъ.

Я знаю, что всѣ человѣки ничего столько не спрашиваютъ, какъ ненависти и презрѣнія другихъ чело-вѣковъ.

Понеже я теперь долженъ или оплодить сіи понятія, и принять совершенно противныя; или уважить приведенное въ доводъ истинны свидѣтельство, то я принимаю сіе свидѣтельство, и я бы думалъ, что поступилъ противъ здраваго разума, если бы сего не сдѣлалъ.

Прибавленіе. По сему мы хотимъ утвердить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе вещь обязаны принимать въ разсужденіе, нежели одно только повѣствованіе свидѣтеля, который оное рассказывалъ.

Самыя обстоятельства обязываютъ насъ чаще вникать, до какой степени дозволяютъ намъ уважать повѣсть тѣ общіе законы, которые располагаютъ волею людей, и чрезъ сіе только изслѣдованіе мы можемъ получить согласную съ разумомъ достовѣрность.

ПОЛОЖЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Совершенная и строгая демонстрація можетъ быть выведена изъ такихъ только положеній, кои суть истинны, предваряющи, непосредственны и извѣстнѣйши, нежели то слѣдствіе, которому онѣ предъидутъ, и коему онѣ служатъ основаніями.

Видно, что я говорю о томъ, что обыкновенно называютъ доказательствомъ (демонстраціею) . . . или для чего такая-то вещь есть. Въ ней всегда заключаютъ изъ собственной и непосредственной причины, въ самомъ ли подлежащемъ она находится, какъ то матерія, форма и прежде доказанное свойство, или въ подлежащаго, какъ то дѣйствующая или также и конечная причина.

Согласіе, которое мы подаемъ на доказательство сего рода, есть высочайшій, возможнѣйшій степень ясности и извѣстности, и заключаетъ въ себѣ то, что для различія предъ прочимъ называютъ знаніемъ. Въ семъ разумѣ знаніе значитъ, имѣть ясныя понятія о причинѣ, или о томъ,

для чего вещь такова, какова есть, и для чего она не можетъ быть иначе. Въ семъ отношеніи извѣстность, которую мы имѣемъ, не только включаетъ всякое сомнѣніе, но и есть безошибочна. Хотя, какъ мы охотно признаемся, не совершенно и не безъ условія, по тому, что сіе особенное свойство знанія никому не принадлежитъ, какъ только Богу; ни подъ извѣстнымъ условіемъ, то есть, когда подполагаютъ правильность нашихъ умозаключеній.

Что касается до другаго рода демонстраціи, которая называется демонстраціею . . . или что нѣчто есть; то въ ней ближайше предшествовавшая причина не составляетъ средняго - члена, а развѣ только весьма отдаленная, или нѣкоторое необходимое дѣйствіе то занимаетъ мѣсто. По сему ето невозможно, чтобы начала въ ней были столько ясны, какъ въ предвидущемъ родѣ демонстраціи; слѣдовательно она также подаетъ нѣкоторымъ образомъ меньшую выгоду, и должна опнесена быть къ роду тѣхъ доказательствъ, кои ниже и несовершенство другихъ.

При всемъ однакожъ томъ сія послѣдняя можетъ подавать намъ ту же самую извѣстность о вещахъ, и наши въ ней заключенія, извѣстнымъ образомъ, суть столько же доказательны, (е) какъ и въ другой. Различіе состоитъ только въ томъ, что предвидущая показываетъ намъ первыя причины, первыя основанія вещей, и что оныя необходимо должны быть тѣмъ, что мы о нихъ знаемъ; когда напротивъ того демонстрація другого рода увѣряетъ только насъ о дѣйствительности вещей, или чрезъ нѣкоторыя естественныя слѣдствія, или чрезъ нѣкоторыя, болѣе отдаленныя, причины. Не смотря на то, при ней находится извѣстность, могущая вынудить согласіе и произвести увѣреніе въ разумъ.

Къ сему послѣднему роду принадлежитъ большая часть демонстрацій въ Физикѣ, въ Метафизикѣ и въ Богословіи. Доказываютъ, на примѣръ, что есть Богъ, изъ основаній *a posteriori* (опъ опыта,) какъ обыкновенно

(е) По образу выраженія ученыхъ, на непримѣрствующихъ основаніяхъ утверждены.

говорится, то есть, когда отъ дѣйствій возходятъ къ причинамъ. Симъ же самымъ образомъ объясняютъ Математическія вещи; понеже въ нихъ разумъ ведётъ постепенно къ тѣмъ главнымъ началамъ, которыя сами по себѣ очевидны, и кои учителя Математики, по причинѣ ихъ важности, называютъ неоспоримыми предложеніями (axiomata).

Кромѣ обоихъ предъидущихъ родовъ находится еще третій родъ демонстраціи, которая доводитъ до нелѣпости или до невозможнаго (demonstratio ducens ad absurdum vel impossibile (*)). Въ ней заключаютъ, что та или другая вещь истинна, по тому, что противное ей, по всей вѣроятности, ложно и нелѣпо. Сія демонстрація принадлежитъ къ гораздо низшему роду; понеже доказательство ея ниже въ самую входитъ вещь, ниже есть непосредственное, и понеже прибѣгаютъ къ ней не иначе, какъ только въ недостаткѣ лучшей. Не менѣе однакожъ ею пользуется каждый, да и самые Математики ее до-

(*) Доказательство нелѣпаго слѣдствія.

пускаютъ не только въ смѣшанныхъ изъ опыта и разуменія но и въ чистѣйшихъ и самыхъ отвлеченныхъ знаніяхъ. И въ самомъ дѣлѣ по природѣ вещей, *Reductio ad absurdum*, или доведеніе до нелѣпыхъ слѣдствій есть само въ себѣ довольное и хорошее доказательство. Основаніе онаго есть сіе, что мы находимся во всегдашней обязанности, не только въ умозаключеніяхъ, но и во всѣхъ другихъ вещахъ избѣгать всего того, что самому себѣ противорѣчитъ и есть нелѣпо.

Прибавленіе. Въ прочемъ мы здѣсь замѣтимъ, что теперь яснымъ образомъ видно, въ чемъ нравственное доказательство различествуетъ отъ совершенной и собственно такъ называемой демонстраціи, т: е: въ томъ, что начала, изъ которыхъ въ немъ заключаютъ, не подходятъ къ тѣмъ, кои требуются при строгой демонстраціи.

ПОЛОЖЕНІЕ ПЯТОЕ.

Ясная достовѣрность или ясность въ началахъ, на которыя можно сдѣлать только нравственное доказательство,

можетъ быть столькоже велика, какъ и въ другихъ, которыя можно доказать Математическимъ образомъ.

Чрезъ ясную достовѣрность я разумѣю то, что разуму столь ясно показываетъ истинну, что онъ вдругъ на ней успокоивается. И такъ сія извѣстность бываетъ всегда больше или меньше, смотря на то, ранѣе ли или позже успокоивается на ней разумъ. Большой степень извѣстности прежде производитъ свое дѣйствіе въ разумъ, нежели меньшій. Я не могу подумать, что мнѣ сіе будутъ оспаривать.

Также извѣстно, что въ Математическихъ доказательствахъ большее и меньшее предложеніе получаютъ свою твердость отъ нѣкоторыхъ доказанныхъ предложеній, что сіи также заимствуютъ свою твердость отъ нѣкоторыхъ другихъ, и что наконецъ приходятъ къ неоспоримымъ положеніямъ (axiōmata) или къ первымъ началамъ, кои совсемъ не можно и не нужно доказывать. Если бы на нихъ можно было сдѣлать Математическое доказательство; то сіи начала не были бы первыми; но были бы еще другія, которыя бы симъ

предходили, и кои бы болѣе были извѣстны, нежели онѣ. Присовокупя еще, что сіи другія начала или могутъ быть доказываемы, или не могутъ. Ежели могутъ, ето будетъ продолжаться до полѣ, до колѣ на послѣдокъ никакого не можно найти конца. Естьли же не могутъ быть доказываемы; то необходимо должно остановиться тамъ, гдѣ Математическаго доказательства болѣе сдѣлать не лзя.

Мы тоже самое можемъ сказать о нравственныхъ истиннахъ, и о тѣхъ главныхъ началахъ, на коихъ онѣ конечнымъ образомъ останавливаются.

Ежели нѣкоторыя нравственныя начала могутъ быть столькоже извѣстны, сколько самыя извѣстнѣйшія начала въ Математикѣ; то первый, второй, и такъ далѣе шагъ въ справедливомъ слѣдствіи, производимомъ изъ нравственныхъ началъ, будетъ имѣть столько же извѣстности, какъ и первый, второй, и такъ дал. шагъ въ справедливомъ слѣдствіи, которое произошло изъ Математическихъ началъ. Ибо слѣдствія, кои правильно и изъ столь же извѣстныхъ началъ выведены, и сами должны быть столькоже извѣстны, естли одно изъ

Час. II М

нихъ не болѣе другаго отдалено отъ начала.

Теперь имѣемъ нравственные начала, кои въ ясной достовѣрности нисколько не уступаютъ самымъ яснымъ изъ Математическихъ. А по тому положенія или слѣдствія ихъ могутъ быть таковы же. Мы объяснимъ сіе примѣромъ. Сіе начало, что человеческое общество не могло бы стоять, ежели бы одинъ человекъ не имѣлъ довѣренности къ другому, есть столько же ясно и извѣстно, какъ и Геометрическая неоспоримая истинна (аксіома), что если къ вещамъ, кои равны между собою, равное что нибудь прибавимъ или отъ нихъ отнимемъ, то оныя всегда останутся равными. Представьте то и другое, кому только угодно, кто разумѣетъ слова; первое начало, безъ сомнѣнія, столько же скоро принудитъ его разумъ къ согласію, какъ и послѣднее. (*)

(*) Гусейнъ показалъ, что и самая Математическая извѣстность многими, а особливо древними Академиками и Сцеппиками была оприцаема. Предисл. къ демонстр. Еван. § 3.

Даже я говорю, что когда бы захотѣли узнать о семъ мнѣніи всѣхъ человѣковъ; то большая бы часть нашлась такихъ, кои политическое правило скорѣе понимаютъ, нежели Геометрическое неоспоримое предложеніе. Всякъ, кто и не умѣетъ ни слагать, ни вычислять, безъ затрудненія пойметъ, что всякое общество должно пасть, естли бы въ немъ одинъ не сталъ довѣрять другому.

Естли бы о томъ или другомъ предложеніи надлежало совѣтоваться съ свидѣтельствомъ чувствъ; то и въ семъ случаѣ доказательство вышло бы одинаково. Нѣтъ ни одного человѣка, которой бы не долженствовалъ видѣть, что общественная довѣренность нужна для единодушія, и которой бы купно не могъ сего столь же ясно видѣть, какъ онъ можетъ видѣть то, что когда изъ двухъ кусковъ дерева, имѣющихъ по двѣнадцати дюймовъ, отъ каждаго отнимутъ по шести, то у каждаго останется не болѣе, какъ по шести же дюймовъ.

Кратко! Хотя Аксиома есть совершенно отвлеченная и вѣчная истина, а другое начало есть только

истинна, смѣшанная изъ науки и опыта; однакожъ всѣ сіи разсужденія сами по себѣ ни мало не споспѣшествуютъ достовѣрности, и ее, саму по себѣ, ни уменьшаютъ, ни увеличиваютъ. Да это и не есть невозможно, хотя оно бываетъ только случайно, чтобъ вниманіе на чувственныя вещи способствовало нѣсколько къ умноженію ясной достовѣрности и къ уничтоженію нѣкоторыхъ запрудненій, каковыя оставляютъ въ разумѣ чистыя отвлеченныя истинны. Весьма много также находится въ смѣшанныхъ Математическихъ наукахъ такихъ началъ, которыя въ ясной достовѣрности нимало не уступаютъ прочимъ началамъ совершенно отвлеченныхъ частей. Отсюда я могу справедливо сказать, что если не можно дать сему особенной причины, то изъ того, что нравственное начало есть смѣшанная, а Геометрическое есть чистая отвлеченная истинна, совсемъ не слѣдуетъ, что бы первое меньше было достовѣрно, нежели второе.

Поелику таковое сравненіе можно сдѣлать со всякимъ другимъ примѣромъ сего рода; то я надѣюсь, что

утвержденное мною предложеніе сдѣ-
лано довольно яснымъ.

Прибавленіе. Но прежде, нежели
я его оспавляю, хочу вывести изъ
него еще сіе слѣдствіе, т. е: отри-
цать известныя положенія, которыя
доказываются однимъ только право-
ученіемъ, такъ какъ отрицать и
другія, на которыя не можно дать
строжайшаго Геометрическаго доказа-
тельства, можетъ быть равно неа-
лымъ постулкою. Неаппость быва-
етъ болѣе или менѣе, смотря по то-
му, велика ли или мала ясная дос-
тупность отвергнутаго предложенія.
Возмите два предложенія, которыя
равно доступны, но различны по сво-
ему роду; то и выйдетъ одинаковая
неаппость; одно ли изъ нихъ стане-
те отрицать, или другое. А поелику
есть и нравственные положенія, кои
могутъ быть столькоже доступны,
какъ и нѣкоторыя Геометрическія;
то и должно быть равно неаппо,
когда отвергаютъ первыя, или отри-
цаютъ послѣднія. И сіе по тому,
что не положеніе само по себѣ, но
очевидность или ясная доступность
оного, дѣлаетъ отрицаніе его неа-
нымъ.

Въ прочемъ мы пошли бы съ лиш-
комъ далеко, если бы изъ того, что
я сказалъ, вздумали заключить, что
о истиннѣ нравственныхъ предложе-
ній можно имѣть такуюже необман-
чивую достоверность, какую имѣ-
ютъ о Математическихъ предложе-
нiяхъ. Два предложенiя могутъ быть
равно ясны или очевидны, т. е. ра-
зумъ можетъ столько же легко и
столь же скоро согласиться на одно,
какъ и на другое, хотя изъ того не
слѣдуетъ, чтобъ достоверность, ос-
новывающаяся на доказательствахъ раз-
личной природы, не была также раз-
личнаго рода. Въ точномъ доказатель-
ствѣ большее и меньшее предложенiе
ведутъ разумъ къ слѣдствию, кото-
рое заключаетъ въ себѣ безошибоч-
ную истину. А въ нравственныхъ
доказательствахъ предвѣдущiя пред-
ложенiя ведутъ къ такому слѣдсп-
вию, которое замыкаетъ въ себѣ не-
сомнѣнную достоверность, т. е. та-
кую, на которой мы можемъ успо-
коиться до той степени, что ни ка-
кой не останется для насъ причины
сомнѣваться въ ея истиннѣ, хотя она
не столько строга и точна, какъ Гео-
метрическая. Ясность равна, но когда

она основывается на положеніяхъ не-
одинаковаго рода, но и родъ досто-
вѣрности можетъ быть не одинаковъ.

ПОЛОЖЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Какъ въ Геометрическихъ заключеніяхъ
истинны доказываютъ иногда непря-
мо (*per indirectum*) и чрезъ доводъ
невозможности, такъ равно сей же
самый образъ заключенія можетъ
находить мѣсто и при такихъ ве-
щахъ, на которыя не можно имѣть
ни какихъ другихъ, кромѣ нравствен-
ныхъ доказательствъ, естли связь
слѣдствій ясна, и неопровержима, кои изъ
того выводятъ, ясны и ощутительны.

Сіе положеніе не требуетъ ни ка-
кого доказательства, понеже оно вы-
водится изъ того, что мы утверди-
ли въ первомъ и второмъ. И такъ я
только объявлю, что всѣ нужныя на
то изъясненія найдутъ въ 3. части
сего сочиненія, когда мы будемъ и-
мѣть случай ближе изслѣдовать пи-
санія, на коихъ основывается Христі-
анское Благочестіе.

ПОЛОЖЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Въ заключеніяхъ о нравственныхъ доказательствахъ гораздо болѣе должно беречься, чтобъ не власть въ какія либо нелѣпыя мнѣнія, нежели сколько надобно остерегаться, чтобъ не власть въ глупость, отрицая Физическія и Математическія предложенія.

Есть безспорное дѣло, что изъ двухъ золъ должно избѣгать большаго. А въ разсужденіи умозаключеній есть то наибольшее зло, которое насъ ведетъ къ весьма непріятнымъ и тягостнымъ слѣдствіямъ. Но какіяжъ это? Безъ сомнѣнія тѣ, которыя не только тому, изъ чьихъ мнѣній можно ихъ вывести, вредны, но и при томъ касаются до блага общественнаго. Человѣкъ, съ смѣшнымъ упорствомъ утверждающій такое предложеніе, изъ коего наконецъ ничего не можно вывести, какъ только слѣдствіе, что онъ дуракъ, не въ такое бываетъ приведенъ скучное замѣшательство, въ какое бы попалъ другой, которой бы своему сопернику

далъ поводъ заключить о немъ, что его мнѣніе равно не выгодно для его сердца и разума.

Ежели кого нибудь будутъ почитать вмѣстѣ за дурака и за врага человеческого рода; то сіе само по себѣ хуже, нежели то, когда только станутъ его обвинять въ глупости и въ недостаткѣ разсужденія. Напоследокъ мое мнѣніе есть сіе: ежели кто отрицаетъ Физическія и Математическія учебныя начала, то можетъ нѣкоторымъ образомъ увѣриться въ тѣхъ слѣдствіяхъ, коихъ нельзя ему утверждать, если не хочешь почестся своенравнымъ и глупымъ человекомъ. Его несчастіе само по себѣ не столько велико. Это ни какого болѣе не влечетъ за собою вреда, какъ только то, что его станутъ почитать за человека не упражнявшагося въ наукѣ умозаключеній. Разумъ такого человека не будетъ почитаться за лучшій, однакоже общество не страдаетъ чрезъ то ни хуже, ни лучше, менѣе ли, или болѣе оно имѣетъ такихъ дураковъ.

Но въ разсужденіи нравственныхъ доказательствъ находятся многія вещи, при коихъ слѣдствія, вытекающія. II Н

щія изъ отверженія оныхъ, имѣютъ больше важности. Мы уже видѣли, что ихъ начала въ ясной достовѣрности ни мало не уступаютъ Геометрическимъ учебнымъ началамъ. И уже показано, что равная есть глупость и дерзость, тѣ ли или другія отрицаютъ. Но кромѣ сего общаго порока должно также примѣнить, что нравственные начала, поколику они совершенно сопряжены съ дѣянiями и поступками челоѣковъ, въ порядокъ и спокойствiе общества столь сильное имѣютъ влiянiе, что все бы пришло въ замѣшательство, если бы всѣ челоѣки не устыдились отрицать нравственную достовѣрность.

И такъ, ежели спрашиваютъ: съ которой стороны надобно большаго опасаться вреда? Не долго можно оставаться въ сомнѣнiи, какой дать на сiе отвѣтъ. Праводушной челоѣкъ не долго о семъ будетъ думать. Хотя бы глупость и дерзость на обѣихъ сторонахъ и не были равны, однакожъ цѣна общественной пользы столько велика, что она легко можетъ рѣшить дѣло.

Который бы изъ двухъ слѣдующихъ случаевъ болѣе долженствовалъ

быть противенъ разумному человѣку при спорѣ; тошъ ли, когда бы онъ переспоренъ былъ въ какомъ нибудь только умозрительномъ пунктѣ, или тошъ, когда бы онъ принужденъ былъ признаться, что явнымъ образомъ защищаетъ мнѣніе, грозящее гибелію всѣмъ обществамъ, да и самой природѣ человѣческой? Конечно; хотя бы въ послѣднемъ случаѣ глупость не доходила до такой ужасной степени; однакожъ сей вредъ, по сужденію мудраго, гораздо болѣе долженъ быть избѣгаемъ, нежели другой, который сколь бы ни былъ великъ, однакожъ касается только до разума.

1. Прибавленіе. Да будетъ позволено намъ вывести изъ онаго сіѣ два слѣдствія: когда всякой признается, что въ Физикѣ и Математикѣ предложеніе считается довольно утвержденнымъ, еслии ясно доказано, что противоположенное ему предложеніе нелѣпо: то сіѣ тѣмъ еще большую должно имѣть силу въ нравственныхъ предложеніяхъ.

2. Прибавленіе. И такъ не лѣзя быть смѣшнѣе тѣхъ людей, кои хотя съ крайнимъ тщаніемъ остерега-

ются, чтобъ въ наукахъ не принять
чего нибудь нелѣпаго; однакожъ не
спрашався утверждать самыя нелѣпыя
вещи тогда, когда оприцаютъ нрав-
ственные доказательства.

Дабы тѣмъ лучше было можно
понять разумъ слѣдующихъ за симъ
двухъ положеній; я долженъ прежде
напомнить, что строгое доказатель-
ство (*demonstratio*) имѣетъ двоякія
дѣйствія, кои порядочно различать
между собою слѣдуетъ. Одно есть
только доказаніе искомой истинны;
другое удовольствованіе разума, или
согласіе, которое разумъ подаетъ на
доказательство (*demonstratio*). Въ
чемъ послѣднемъ разумъ доказанную
истинну не только пріемлетъ за спра-
ведливую, и признаетъ дѣйствитель-
ность и связь ея доводовъ, но и дѣ-
лаетъ сіе съ особливымъ удовольстві-
емъ. Доколь онъ въ сомнѣніи, то
безпокоится; и по тому онъ съ ра-
доспїю оставляетъ сіе состояніе. Давъ
оное изъясненіе, я приступаю къ
предложенію, которое его требо-
вадо.

ПОЛОЖЕНИЕ ОСЬМОЕ.

При нѣкоторыхъ нравственныхъ доказательствахъ увѣреніе есть столь же велико, какъ оно можетъ быть таковымъ при нѣкоторыхъ математическихъ доказательствахъ (demonstratio).

Въ нѣкоторыхъ нравственныхъ доказательствахъ находятся знаки ясной извѣстности, кои разумъ совершенно увѣряютъ въ дѣйствительномъ бытіи извѣстныхъ случившихся вещей.

Другой родъ демонстраціи или доказательство (. . .) что есть нѣчто, ничего болѣе не доказываетъ, какъ только дѣйствительное бытіе вещей.

Слѣдовательно есть нравственныя доказательства, коихъ увѣреніе можетъ быть столько же сильно, какъ и увѣреніе извѣстныхъ демонстрацій.

Прибавленіе. Да будетъ позволено намъ изъ сего основанія вывести сіи два слѣдствія:

1. Несправедливо было бы поступлено, когда бы мы захотѣли отвергать нравственную достоверность по тому, что она не показываетъ непо-

средственныхъ причинъ, по которымъ вещи суть то, что онѣ суть дѣйствительно, и не могутъ быть иными. По сей самой причинѣ долженствовало бы отвергать всѣ демонстраціи изъ опыта (*demonstrationes a posteriori*), въ которыхъ отъ дѣйствій возходятъ къ причинамъ. Ежели справедливо разобрать вещь, то нравственная извѣстность имѣетъ только сей недостатокъ, что она не есть демонстрація изъ разума (*demonstratio a priori*), въ коей изъ причины заключаютъ о дѣйствіи. Но можно ли по сему имѣть довольное основаніе отвергать ее?

2. Увѣреніе, которое производятъ нравственные доказательства, есть столь велико, сколько, по большей части, нужно, полезно, или возможно по природѣ вещей. Не столь много есть вещей, которыя мы можемъ доказывать отъ разума (*a priori*) сколько такихъ, кои можно доказывать другимъ образомъ. Сверхъ того, не довольно ли къ выполнению намѣренія нашего познанія, что бы мы имѣли неоспоримыя доказательства на дѣйствительное бытіе вещей? Если можно пройти по порядку большую

— III —

часть вещей, составляющихъ познаніе
человѣка; то легко можно будетъ у-
видѣть, что сей родъ извѣстности
при семъ достаточенъ. И такъ нрав-
ственные доказательства довольно
произвести такое увѣреніе, какое
нужно, полезно или также болѣе
всего возможно въ разсужденіи чело-
вѣковъ.

ПОЛОЖЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

При согласіи, которое нашъ разумъ
подаетъ на извѣстныя нравственные
доказательства, столько же мало
находится обинженія или сомнѣнія,
какъ и при томъ согласіи, которое
онъ подаетъ на заключенія, выведен-
ныя изъ разума по точнѣйшему и
строжайшему образу умствованія.

На сіе положеніе мы могли бы
дать сто доказательствъ: однакожъ
мы удовольствуемся приведеніемъ на
него примѣра. Есть безчисленныя мѣс-
та, вещи, особы, дѣла и приключенія,
которыхъ мы сами не можемъ знать
чрезъ наши чувства, да и знать ихъ
симъ образомъ не въ состояніи; при
всемъ томъ однакожъ мы столько же

мало объ оныхъ сомнѣваемся, какъ и въ Геометрическихъ заключеніяхъ. Я не говорю, что мы о томъ и о другомъ имѣемъ одинакій родъ извѣстности, или, что извѣстность въ томъ и другомъ случаѣ основывается на одинакихъ началахъ; или производится одинакимъ образомъ. Я только утверждаю, что мы въ одномъ случаѣ столь же мало сомнѣваемся, какъ и въ другомъ.

Человѣкъ столько же бываетъ успокоенъ, столько же безопасенъ, столько же мало боится обмана, кратко, онъ точно столь же совершенное показываетъ увѣреніе въ разсужденіи первыхъ (т: е: нравственныхъ доказательствъ) какое и самый глубокомысленный Математикъ можетъ показывать въ разсужденіи Геометрическаго доказательства, которое онъ находитъ у Евклида и Архимеда.

Причину сему легко можно угадать, то есть иначе не знали бы, на чемъ въ свѣтѣ можно утвердиться; если бы въ семъ безчисленномъ множествѣ, которое я показалъ, не было ни чего такого, на что можно положиться съ безопасностію. Ибо такимъ образомъ должно бы было

сказать, что нѣсколько частныхъ особъ коварнымъ образомъ согласились обманывать всѣхъ прочихъ; да и что они столь хитро и столь щастливо скрываютъ свой обманъ, что его ни когда не можно обнаружить. Но это совершенно невозможно, или по крайней мѣрѣ не могло случиться, ежели порядочное теченіе вещей не превращено, и не были испровержены законы, по которымъ свѣтъ всегда былъ управляемъ.

Тотъ, навлекъ бы на себя негодованіе всякаго, кто захотѣлъ бы сіе подположить. Ежели только сказать, что свѣтъ созданъ и управляется всемудрымъ существомъ, и при всемъ томъ однакожъ не предохраненъ отъ столь всеобщаго и столь гнуснаго обмана; то это одно можетъ уже привести въ замѣшательство самую лучшую голову; и подать ей странныя мысли.

И такъ я говорю, что хотя мы въ семъ случаѣ о нашемъ мнѣніи увѣрены и не тѣми способами, какія доставляютъ намъ въ собственно такъ называемомъ доказательствѣ (*demonstratio*); однакожъ столь же много имѣемъ причины положиться на ис-
час. II О

тинну онаго, и по тому столь же много можемъ успокоить нашъ разумъ, какъ и тогда, когда бы вещи были доказаны Математическимъ образомъ. И по семуто увѣренію всѣ чловѣки пріемлютъ свои намѣренія въ обыкновенныхъ занятіяхъ сея жизни.

ПОЛОЖЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Ежели какой нибудь образъ доказательствъ приличенъ природѣ всѣхъ случаевъ, къ одному общему роду относящихся; то мы сей образъ доказательствъ должны употреблять во всѣхъ случаяхъ сего рода, какъ въ самажнѣйшихъ, такъ и въ обыкновенныхъ и маловажныхъ.

Собственная и существенная разность вещей, которыя мы познаемъ, даетъ надлежащее различіе шѣмъ способамъ, какія мы употребляемъ для доказыванія или познанія истинны во всѣхъ вещахъ. Если бы они всѣ были одинакаго рода; то мы должныствовали бы во всѣхъ возможныхъ случаяхъ истинну ихъ доказывать однимъ какимъ нибудь образомъ. Но какъ свойства вещей между собою

различны; то порядокъ и требуетъ,
 что бы средства къ приобритенію по-
 знанія объ оныхъ также были раз-
 личны. Геометрическія истинны дока-
 зываются разумомъ, (*a priori*) Фи-
 зическія (*a posteriori*) или чрезъ
 опыты, а нравственная свидѣтельств-
 вомъ, также изъ началъ, природою
 на сердцахъ челоѣковъ напечатлѣн-
 ныхъ и изъ законовъ свѣта. Всякой
 родъ или (*) классъ истиннѣ имѣ-
 етъ особенный образъ доказательствъ.
 Всѣ истинны одинакого рода безъ
 сомнѣнія должны быть доказываемы
 изъ одинакихъ началъ, и при семъ
 случаѣ должно слѣдовать одинакому
 способу доказательствъ. Не годится
 при доказываніи важнѣйшихъ истиннѣ
 имѣть особенныя начала, и другія

(*)
 п. е. „ Не во всѣхъ вещахъ надобно искать
 „ равной строгости. „ Аристотель *Eth.* къ
 Ник книги 1. глав. 1. *Ed. Avrel. Allobrog.*
 1606.
 „ Не должно при всѣхъ вещахъ требовать
 „ Математической строгости. „ Арист. *Ме-*
тафиз. кн. II. глав III.

при доказываніи тѣхъ, которыя не столько важны. Такимъ образомъ вся природа сдѣлалась бы иною, и нужное различіе вещей совершенно бы исчезло. Положеніе сколько бы ни было важно, еслии оно съ обыкновеннѣйшимъ находится подъ всеобщимъ названіемъ, то и доказательства, безъ сомнѣнія, также должно дѣлать изъ одинакихъ началъ и одинакимъ образомъ.

Прибавленія. Изъ сего вытекаютъ два слѣдствія, кои заслуживаютъ примѣчаніе: 1. нравственная извѣстность не должна быть опровергаема, ежели и ее также употребляютъ къ доказательству самоважнѣйшей исторіи. Ибо всѣ исторіи, о которыхъ мы не можемъ увѣриться чрезъ свѣдѣтельство чувствъ нашихъ, не имѣютъ другихъ доводовъ, кромѣ нравственныхъ. По сему, еслии истинно то, что всѣ предложенія одинакаго рода должны быть доказываемы изъ одинакихъ началъ, то весьма бы было нелѣпо, ежели бы важность предложенія выдавали достаточнымъ основаніемъ, не принимать въ семъ дѣлѣ ни какого нравственного доказательства. 2 слѣдствіе будетъ сіе:

мы должны одинаковымъ образомъ дѣлать заключенія, судя о вещахъ священныхъ, какъ и о свѣтскихъ. Единственное различіе, которое здѣсь находится, есть сіе, что мы съ большимъ тщаніемъ должны взвѣшивающъ нравственные доказательства вещамъ, касающимся спасенія, нежели тѣ, кои относятся только до нѣкоторыхъ вещей сея жизни. Разумъ повелѣваетъ изслѣдывать намъ первыя съ величайшимъ безпристрастіемъ, и со всевозможнымъ вниманіемъ. Онъ требуетъ, чтобъ мы при томъ избѣгали глупаго своеволия и смѣшной легковѣрности, и паче всего, чтобъ мы имѣли твердое намѣреніе дѣлать сіи изслѣдованія съ такою правотою и чистосердечіемъ, какого требуютъ ихъ важность и превосходство нашей природы.

Еслили мы, по зрѣломъ разсужденіи, на истинны Благочестія не находимъ ни какихъ другихъ доказательствъ, какъ только нравственные; то мы сими доказательствами должны довольствоваться также и въ тѣхъ вещахъ, кои касаются до блаженной вѣчности, по тому что оныя и въ вещахъ сего свѣта удовлетворя-

ютъ концу ихъ. Не нужно намъ повторять сего причину, которую мы показали въ самомъ предложеніи.

ПОЛОЖЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

При подозрѣніи и сомнѣніи въ истиннѣ свидѣтельства, подозрѣніе, основанное на одной только Физической возможности, быть обманутому отъ свидѣтелей, надобно всегда различать отъ подозрѣнія, которое основывается или на дѣйствительной причинѣ, для коей не доверяютъ свидѣтелю, или на открытой погрѣшности его показаній.

Два суть различныя рода подозрѣнія, и всячески надобно оспергаться, чтобъ не смѣшивать ихъ между собою. Ежели свидѣтельство не имѣетъ нѣкоторыхъ свойствъ, которыхъ разумъ и всеобщее обыкновеніе для имовѣрности его требуютъ; ежели оно темно; еслии не согласуется съ самимъ собою; ежели имѣетъ противъ себя свидѣтельства, коихъ дѣйствительность и важность больше; еслии свидѣтель не имѣетъ добраго имени; ежели онъ, по своимъ

обманамъ, по своей легковѣрности, по своему приспращію, или по своей небрежности въ изслѣдованіи вещей ни какого не заслуживаетъ вѣроятія; то во всѣхъ сихъ и подобныхъ тому случаяхъ, говорю, подозрѣніе справедливо, сомнѣніе основательно, и имѣтъ ни одного разумнаго человѣка, которой бы по крайней мѣрѣ не основился въ своемъ сужденіи дополѣ, доколѣ не сыщутся другія доказательства, подлежащія ни единому изъ сихъ недостатковъ.

Но еслии всѣ обстоятельства дѣла съ крайнимъ тщаніемъ изслѣдываются, и ничего сходнаго съ разумомъ и истинною противъ того сказать не можно; то сомнѣніе не можетъ имѣть другаго основанія, какъ только одну физическую возможность, быть обмануто. Но сія заслуживаетъ особенное разсужденіе. И мы намерены оное сдѣлать, и начать съ природы и различныхъ причинъ сей единственно физической возможности.

ПОЛОЖЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Метафизическая или Физическая возможность, быть обмануту, по моему понятію, состоитъ въ томъ, что, говоря въ точномъ и строгомъ разумѣ, (*) или судя о дѣлѣ въ самомъ себѣ, или по внутреннему его свойству, отнюдѣ не есть ни нелѣпо, ни невозможно, ниже само себѣ противорѣчуще, чтобъ человекъ былъ обманутъ свидѣтельствомъ другаго, хотя бы не надлежало имѣть ни малѣйшей причины подозрѣвать во лжѣ свидѣтеля, а напротивъ того находились бы весьма сильныя причины, дѣлающія его достойнымъ вѣроятія.

Сія Физическая возможность основывается на различныхъ разсужденіяхъ. Правда нѣкоторые изъ нихъ очень смѣшны; однако мы намѣрены привести и сіи, дабы тѣмъ можно было лучше видѣть, какъ это все

(*) Когда совѣтъ не смотрятъ на предвѣдущія при томъ обстоятельства, но совершенно оспаваютъ оныя.

малозначаще, даже и по самому умо-
начертанію или познанію, естѣли
только прямыя вещи опдѣлишь отъ
малозначащихъ мѣлочей.

1. „Епо говоряшъ, не естъ не-
„ возможно, чѣобы свидѣтель, копо-
„ раго я почитаю правдивымъ чело-
„ вѣкомъ, понеже онъ снискалъ се-
„ бѣ славу честности и чистосерде-
„ чія, вѣ самомъ дѣлѣ былъ только
„ лицемеръ и лжецъ, могущій распо-
„ ложиться меня провести.

Не естѣли епо также возможно,
что бы онъ самъ былъ обманутъ, и
что бы онъ приводилъ насъ въ заб-
лужденіе, не имѣя къ тому намѣре-
нія? Говорить неправду и лгать,
суть двѣ очень различныя вещи. Въ
томъ и другомъ случаѣ ложное пред-
ставляютъ такъ, какъ нѣчто истин-
ное; но наказанія достойное намѣре-
ніе находится только въ послед-
немъ.

2. „Епо, такъ продолжаютъ
„ далѣ, не естъ совершенно невоз-
„ можно, что бы человѣкъ по одной
„ только небрежности, неосторож-
„ ности, или неосмотрительности,
„ вещи, кои онъ разказываетъ, пред-
„ ставлялъ несправедливо, хотя онъ
Час. II П

„и не имѣлъ намѣренія сего дѣлать. „
Но что скажутъ о другой воз-
можности, которая еще ужаснѣе, и при
всѣмъ томъ однакожъ въ свѣтѣ сѣ-
лишкомъ часто на самомъ дѣлѣ сбы-
вается? п. е. что видятъ людей, у
коихъ привычка лгать такъ далеко
проспиралась, что наконецъ сами не
знаютъ, когда они говорятъ правду,
или когда лгутъ.

3. „Ето, на конецъ приводятъ,
„не есть совершенно невозможно,
„что бы самый честный человекъ
„въ ту минуту, когда онъ хочетъ
„мнѣ разказывать исторію, вдругъ
„объятъ былъ какою либо внуш-
„реннею слабостію, которая у него
„разстроиваетъ голову, и дѣлаетъ,
„что онъ говоритъ противъ истин-
„ны, и совсѣмъ противное тому,
„что хотѣлъ сказать. „Симъ хо-
„тятъ дать знать, что будто сей
честный человекъ въ минуту мо-
жетъ сдѣлаться дуракомъ и сумаз-
бродомъ, что его жизненные духи
вдругъ приходятъ въ безпорядокъ,
что все разположеніе его мозга вдругъ
можетъ переѣниться; или что ты-
сяча можетъ другихъ встрѣтиться
случаевъ, кои одно только желаніе

вѣришь Физической возможности лож-
наго свидѣтельства, представляемъ
возможными. Былъ нѣкогда, естъли
сказать истинну, одинъ, который по
причинѣ сея возможности, спранный
положилъ намѣреніе, ни кому изъ
людей не довѣрялъ въ его свидѣ-
тельствѣ.

Однако мы не хотимъ остано-
виться на сей глупости. Говорятъ,
что все сіе Физическимъ образомъ
возможно. Слѣдовательно мы можемъ
также присовокупить, что опъ сей
возможности ни одинъ человекъ не
исключенъ, хотя важность его и у
каждаго еще столь велика. Ещо так-
же, по внутренней природѣ вещей,
Физическимъ образомъ возможно,
что бы человекъ, дѣйствительно снѣ-
скавшій славу честности, былъ столь-
ко же обманщикъ, защищающійся дер-
скими пронырствами, или дуракъ,
дѣлающій всѣ различныя глупости,
какъ и другой, котораго никто не
почитаетъ за честнаго человека. Ибо
всѣ человеки, поколику они твари,
равно одинаковымъ подвержены по-
грѣшностямъ. Но мы при семъ не
можемъ также не объявить, что изъ
различныхъ свойствъ человеческихъ,

еслили ихъ взять вмѣстѣ съ другими, къ тому относящимися обстоятельствомъ, можно дѣлать такія заключенія, которыя, хотя не изровергають **Физическую** возможность, быть обману, однакожъ чрезмѣрно уменьшаютъ причины, для коихъ оной должно бояться, да и даже подають намъ умное основаніе, иногда сего не остерегаться, и смотрѣть на нее такъ, какъ бы оной совсемъ не было.

Ежели честность свидѣтеля подозрительна, или еслили я знаю склонность его къ обману; то я вижу не только **Физическую** возможность обмана, но и совершенное нравственное правдоподобіе, что онъ будетъ обманывать. Ежели я сверхъ того примѣчаю въ томъ для него выгоду, когда онъ меня обманываетъ; то правдоподобіе безпрестанно становится сильнѣе, смотря на то, чѣмъ болѣе я получаю причины не довѣрять ему. Но, еслили я вижу, что онъ обманъ не можетъ считать ни малою для себя выгодою; то у меня противъ него ни какого не останется нравственно-правдоподобнаго подозрѣнія, какъ только то, которое основывается на

развращенныхъ его нравахъ, или на не очень хорошей о немъ молвѣ.

Въ прочемъ, естли мы положимъ, что я о свидѣтелѣ не знаю ничего такого, что бы или могло подать мнѣ худое о немъ мнѣніе, или напропивъ того меня къ нему расположить, такъ, что я въ сужденіи его чистосердечія еще совершенно не рѣшимъ, понеже ни какой не имѣю причины, довѣрять или не довѣрять оному; то въ такомъ случаѣ само по себѣ разумѣется, что я, по отношенію къ нему, ничего не вижу, какъ только Физическую возможность, положивъ, что я долженъ смотрѣть на нѣкоторыя принадлежащія къ тому обстоятельству.

Ежели присовокупить нѣкоторыя изъ таковыхъ обстоятельствъ къ сей возможности; то оныя столькоже составляютъ степеней нравственнаго правдоподобія, которыя подозрѣнію то болѣе, то менѣе даютъ основанія.

Хотя я о свидѣтелѣ ничего не знаю ни худаго, ни хорошаго; однакожъ ипуть могутъ встрѣтиться такія обстоятельства, кои мнѣ подадутъ довольно степень нравственной из-

вѣстности, что онъ меня не обманываетъ, какова бы ни была Физическая возможность, къ содѣланію того.

Но естли онъ слышетъ умнымъ и честнымъ человекомъ; ежели люди никогда ничего не имѣли сказать въ поношеніе его честности; естли въ свѣтѣ всегда весьма хвалили его за его чистосердечіе и искренность; то я нахожу очень великое нравственное правдоподобіе, что его свидѣтельство истинно, и степень сего правдоподобія, располагающаго меня къ нему, превышаетъ степень недовѣрчивости, которую бы я къ оному имѣлъ, ежели бы не зналъ о немъ совсемъ ничего, или зналъ только одно худое, и онъ его столько же превышаетъ, сколько слава о истинной человекѣ добродѣтели, превышаетъ качество его неизвѣстности или возможности, сдѣлать обманъ.

Естли къ симъ личнымъ свойствамъ присовокупить другія разсужденія, кои ихъ утврждаютъ; то мы уже имѣемъ всѣ возможныя степени нравственной извѣстности о томъ, что насъ не обманули.

Хотя бы въ прочемъ ни какой разности не было, однакожъ кажется,

что болѣе бы должно полагаться на сказанія свидѣтеля тогда, когда знаемъ его самолично, и обращеніе съ нимъ открываетъ намъ его честность, нежели тогда, когда онъ только намъ извѣстенъ по одному слуху. Въ прочемъ въ извѣстныхъ изъ показанныхъ обстоятельствъ очень возможно, что бы другія разсужденія были важнѣе, нежели сіе преимущество, и что бы нравственная извѣстность о честности свидѣтеля, которой мнѣ по одной только славѣ извѣстенъ, была совершеннѣе; понеже всѣ оныя обстоятельства держатъ его сторону, и никакимъ образомъ не подтверждають противнаго. Если бы я сталъ разбирать порознь всѣ возможные случаи сего рода; то безъ дальняго труда могъ бы утвердить мною предложенное. Однако я довольствуюсь сдѣланнымъ замѣчаніемъ, какъ мы, по различію случаевъ, при всей Физической возможности дже свидѣтельства, всегда находимъ какое нибудь нравственное разсужденіе, по которому мы то болѣе, то менѣе делаемъ къ ней вниманія.

Разсмотрѣвъ вообще и очень опвлеченнымъ образомъ Физическую воз-

возможность, быть обманути, мы хотимъ теперь въ особенности рассмотретьъ, какъ на нее надобно взиращь въ дѣлахъ сего свѣта.

ПОЛОЖЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Одна только физическая возможность, повѣствованіемъ быть обманути, по природѣ вещей, отнюдь не есть столь умное основаніе недоувѣрчивости, чтобъ на самомъ дѣлѣ слѣдовало его уважать.

Подъ именемъ того, что уважается на самомъ дѣлѣ, я разумѣю нѣчто такое, что человѣковъ побуждаетъ дѣлать, чего бы иначе не сдѣлали; и не дѣлать того, что бы конечно они сдѣлали, ежели бы считали за справедливое.

Сіе изъясненіе показываетъ основаніе вышесказаннаго положенія. Поступать по началу, коего естественными слѣдствіями суть совершенный безпорядокъ въ занимательности человѣковъ и всеконечное замѣшательство свѣта, есть дѣло столь же неправильное, сколько и глупое.

Сего несчастія не можно бы избѣ-
жать было, естли бы каждый воз-
хотѣлъ бытъ управляемъ Физическою
возможностію, яко такою, которая
ему всегда представляетъ, что онъ
можетъ бытъ обманутъ отъ другаго.

По сей возможности нѣтъ ни
одного изъ человѣческихъ свидѣ-
тельствъ, которое бы не могло бытъ
ложно; слѣдовательно нѣтъ также
ни одного, какого бы оно рода ни
было, на которое бы я могъ поло-
житься, ежели бы сія Физическая
возможность составляла довольно
основаніе къ недовѣрчивости; сіе ос-
нованіе было бы заимствуемо отъ
врожденнаго всѣмъ человѣкамъ недо-
спатка. А оному недоспатку не мож-
но пособить, да и даже никогда не
льзя себѣ предсказать, что бы онъ
терпѣлъ умноженіе или уменьшеніе.
По сему наилучшіе и разумнѣйшіе че-
ловѣки также должны бытъ ему под-
вержены, какъ и прочіе.

Изъ сего слѣдовало бы, что въ
жизни никогда не должно поступать
по тѣмъ наставленіямъ, кои получа-
ются изъ свидѣтельства другихъ.
Ибо естли бы малѣйшее къ тому
возымѣли намѣреніе; то поступили бы

противъ начала: Физическимъ образомъ возможно насъ обмануть.

Сколь сіе слѣдствіе нелѣпо, епо будетъ видно въ слѣдующемъ. Но истинна сего начала уже въ седьмомъ показана положеніи. Оспаются только еще нѣкоторыя примѣчанія, кои насъ далѣе на семъ пунктѣ оспанавливаютъ.

Прибавленіе Іе. Ежели кто ии-будь въ истиннѣ свидѣтельства сомнѣвается по тому только, что Физическимъ образомъ возможно быть ему ложнымъ; то ясно видно, что сіе дѣлается по спранныму только свое-нравію, по совершенно ложнымъ представленіямъ, и по пусному только воображенію.

2. За предлогъ взятое уваженіе къ неизвѣстности челоѣческаго свидѣтельства, по причинѣ Физической возможности, есть одинъ вымыслъ, и ничто иное, какъ предложеніе умышенное. Ибо здѣсь спрашивается: представленіе Физической возможности бытъ обманути свидѣтельствомъ, сильно ли соспавитъ правило для челоѣческихъ поступковъ? Еслили скажутъ, что сильно, то для чегожъ во всякомъ дѣствіи по нему не по-

спупаютъ? А ежели не скльно, то я справедливо сказалъ, что епо есть одна только химера.

Цѣль человѣческаго свидѣтельства должна быть та, что бы мы въ нашихъ дѣлахъ по оному поступали, и наши дѣйствія располагали согласно съ нимъ. Но если по всѣмъ законамъ здраваго разума можно доказать, что не лзя и не должно уважать сего начала **Физической** возможности въ дѣлопроизводствѣ; то также можно доказать и сіе, что оно ни какой не имѣетъ дѣйствительной цѣли, и ни къ чему не служитъ, какъ только къ разстройкѣ воображенія.

И такъ епо ясное дѣло, что человѣки въ своихъ поступкахъ не должны брать за правило одно только представленіе **Физической** возможности лжесвидѣтельства. И я присовокупляю сюда еще и сіе примѣчаніе: опытъ, который мы имѣемъ о порядочномъ теченіи человѣческихъ дѣйствій, увѣряетъ насъ, что люди сію физическую возможность дѣйствительно презираютъ, и на нее ни мало не смотрятъ. Да и даже находясь безчисленные случаи, когда

они необходимо обязаны мимо глазъ пропустишь оную. Отсюда я вывожу сіе слѣдствіе: это невозможно, чтобы Богъ правиломъ нашихъ дѣйствій и нашихъ сужденій возхотѣлъ намъ дать такое начало, отъ наблюденія коего отверщаетъ насъ крайняя необходимость.

ПОЛОЖЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Правила благоразумія, каковыя иногда человеки, для большей безопасности въ свѣтскихъ дѣлахъ наблюдають, не доказываютъ ни того, чтобы они должны были располагаться по одной только Физической возможности быть обмануты свидѣтельствомъ, ниже того, чтобы они на самомъ дѣлѣ такъ поступали.

Я сіе начало присовокупилъ только на шопъ конецъ, дабы предотвратитьъ ложныя слѣдствія, которыя въ извѣстныхъ случаяхъ можно вывести изъ поступковъ человѣческихъ. Находясь, на прим. люди, которые не смотря на увѣренія, кои они имѣють о помощи ихъ сродниковъ, или

ихъ друзей, сами всѣми своими силами трудятся, какъ будто бы ни на кого не надѣются. Находятся другіе, которые въ самое то время, когда помощь своихъ друзей и знакомцовъ употребляютъ къ произведенію своихъ намѣреній, кажутся бытъ ко всѣмъ недовѣрчивыми, хотя всѣ люди, и сами они о честности ихъ, кои имъ служатъ, имѣютъ самое доброе мнѣніе.

Мы допустимъ, что все сіе истинно; но что можно изъ того заключить? Развѣ сіе, что люди иногда поступаютъ, имѣя правиломъ Физическую возможность опъ всѣхъ прочихъ бытъ обманутыми?

Я бы могъ опвѣстствовать, что сія недовѣрчивость очевидно имѣетъ другія причины. Я пошчасъ покажу основательность сего опвѣта. Но что бы можно было заключить, подположивъ, что вышесказанная причина есть истинное основаніе недовѣрчивости? То, что дѣлаютъ нѣкоторые люди, должно ли бытъ правиломъ всѣхъ прочихъ? Или льзя ли признавать поведеніе ихъ за самое умное, хотя бы вѣснѣ можно доказать, что за

онимъ слѣдуетъ всеконечное замѣшательство свѣта?

Не безспорное ли это дѣло, что поступокъ одного человѣка не есть ни справедливъ, ни извинителенъ, еслили оный въ человѣческихъ обществахъ можетъ причинить всеобщее разстройство, когда бы всякой согласился ему подражать.

Все, что обязываетъ человѣковъ оставлять вредное для нихъ намѣреніе, вмѣстѣ обязываетъ ихъ избѣгать и всѣхъ дѣйствій, руководящихъ къ оному.

Сколько одинъ человѣкъ имѣетъ права держаться правила, что бы ни кому не довѣрять; столько же имѣетъ права и другой, и слѣдовательно всѣ люди должны имѣть сіе преимущество.

И такъ сей образъ поведенія совершеннымъ и естественнымъ образомъ разрушаетъ весь порядокъ, и опровергаетъ все благосостояніе общества. И такъ далѣе всѣ люди обязаны удерживаться отъ онаго.

И такъ на конецъ тѣ поступающіе противу разума и справедливости, кои по сему правилу ведутъ жизнь свою.

Теперь мы рассмотримъ вещь по истинному ея свойству. Ежели въ дѣлахъ свѣта несовершенно полагаются на бодрствование, попечение и честность другихъ; естли при чужей помощи съ осторожностію стараются предохранить себя отъ всякаго обмана; то въ такомъ случаѣ не поспунаютъ по одной только Физической возможности, чтобъ насъ могли обмануть другіе. Есть двѣ другіе причины, кои насъ къ тому побуждаютъ. Первая есть сія, что наше собственное стараніе и попеченіе легче и извѣстнѣе доставляютъ намъ хорошее окончаніе нашихъ дѣлъ, нежели безъ нихъ помощь другаго. Другая причина есть та, что мы иногда въ самомъ дѣлѣ о чистосердечіи и честности другихъ не столь хорошее имѣемъ мнѣніе, какое показываемъ пустыми наружными объясненіями.

Не можно порицать сего осторожнаго наблюденія надъ собственными дѣлами, ежели оно не пресупааетъ надлежащихъ предѣловъ благоразумія и благоприсойности. Да и человѣческіи родъ такъ развращенъ, что сія предосторожность есть не-обходима.

Но для чего не приписываютъ се-
то истинной его причинѣ? Для чего
называютъ то одною только Физи-
ческою возможностью, что въ самомъ
дѣлѣ есть только крайняя недовер-
чивость, родившаяся отъ познанія о
коварствѣ человѣковъ? Это справед-
ливо, что въ свѣтѣ, еслии въ немъ
принужденъ бываешь жить и зани-
маться, споль многія видишь кривыя
спеши, и часто самъ споль много и-
мѣешь въ томъ участія, что на ко-
нецъ совсемъ худое приобретаешь
мнѣніе о человѣческомъ родѣ, и бе-
решь себѣ въ голову всеобщее прав-
доподобіе, что насъ каждый хочетъ
обманывать. Да и нѣкоторые совсемъ
приняли сіе, какъ за извѣстное пра-
вило, что всѣ человѣки суть обман-
щики, или были бы таковыми, ежели
бы могли, и что слѣдовательно нѣтъ
ни кого, кому бы можно было дове-
рять безъ хорошаго и довольнаго об-
надѣживанія.

Я не знаю, сіи люди исключаютъ ли себя отъ сего споль всеоб-
щаго правила? Еслии они ето дѣла-
ютъ, я желалъ бы знать, для чего
другіе не должны быть споль же
честными людьми, какъ и они? Но

ежели они не исключаютъ самихъ себя изъ числа обманщиковъ, на коихъ никогда не можно полагаться, то какъ мы должны вѣрить ихъ свидѣтельству?

То, что они говорятъ, по собственнымъ ихъ правиламъ, есть обманъ, и мы должны думать, что они хотятъ насъ только чемъ нибудь обмануть.

Какъ бы то ни было, я изъ предъидущихъ предложеній заключаю, что въ обыкновенныхъ вещахъ и упражненіяхъ человеческихъ не находится ничего такого, изъ чего бы умнымъ образомъ можно доказать, что они поступаютъ по сему началу Физической возможности, быть обманути.

ПОЛОЖЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Ежели говорится о томъ, что можетъ уменьшитъ вѣроятность изустно или письменно предложеннаго свидѣтельства; то причины сего уменьшенія, произходящія отъ насъ самихъ, надобно отличать отъ тѣхъ, кои произтекаютъ изъ природы и обстоятельствъ вещей.

Час. II

С

Въ одиннадцатомъ положеніи по меньшей мѣрѣ часпію узнаютъ, что это за обстоятельства. По сему мы не повтораемъ тамъ сказаннаго, а токмо отсылаемъ нашихъ читателей туда. Мы замѣчаемъ только то, что достоверность свидѣтельства, на самомъ дѣлѣ и по природѣ вещей, ни чемъ инымъ не уменьшается, какъ токмо поперею или недоспапкомъ нѣкоторыхъ признаковъ, которые свидѣтельству, по мѣрѣ своей, доставляли достоверность образомъ съ разумомъ согласнымъ. Ето одна изъ причинъ, по которой свидѣтельство не заслуживаетъ уже столь много вѣроятія, какъ прежде, и о которой мы говоримъ въ семъ токмо XV положеніи.

И такъ, ежели кто хочетъ собственнo и справедливо узнать, до какой степени свидѣтельство тѣряетъ свою достоверность, то онъ можетъ се тѣмъ только повѣрять, до какой степени обстоятельства, служившія прежде основаніемъ сея достоверности, тѣряютъ прежнюю свою цѣну и вѣсѣ. Ежели обстоятельства не премѣняются, то и достоверность свидѣтельства ни малаго не терпитъ уменьшенія.

Но какъ дѣйствительныя обстоя-
тельства, доставляющія свидѣтель-
ству достоверность, должно поря-
дочно различить отъ того понятія,
какое имѣютъ о томъ тѣ лица,
которымъ оно предложено; то и до-
вольно видно, что весьма различно
то, что свидѣтельство можетъ по-
тѣрять въ обоихъ сихъ отношеніяхъ.

Свидѣтельство, по мнѣнію раз-
сматривающаго оное, можетъ не столь-
ко быть достовернымъ, какъ преж-
де, хотя оно въ самомъ дѣлѣ и по
природѣ своей столько же заслужи-
ваетъ вѣроянія, какъ и прежде. Дос-
тوفرность кажется для насъ гораз-
до меньшею, однакожъ она по етому
не есть въ самой вещи такова. Сви-
дѣтельство, имѣя всѣ прежніе при-
знаки, показывая всѣ особливныя свой-
ства, доставлявшія ему прежде вѣ-
роятность, ежели при всемъ томъ
для насъ инаковымъ кажется, то это
различіе происходитъ единственно
отъ насъ самихъ.

По сему мы остаемся въ отвѣ-
стѣ за всю ту утрату, которую сви-
дѣтельство терпитъ по отношенію
къ намъ; ибо вина сего падаетъ е-
динственно на насъ и на нашъ без-

разсудной въ томъ поступокъ. Еже-
ли сіе свидѣтельство не столько до-
стовѣрно для насъ, сколько для дру-
гихъ, по тому, что мы смопримъ
на оное съ нѣкоторымъ предразсуд-
комъ, или по тому, что мы въ ро-
зысканіи онаго по предположенію или
небреженію оставляемъ самыя важныя
обстоятельства, то кому должны
мы поставитъ сіе въ виду? Не се-
бѣ ли шокмо самимъ? Какъ прекрас-
но падаетъ на насъ томъ упрекъ,
что будто достовѣрность сего сви-
дѣтельства со дня на день въ та-
кой мѣрѣ уменьшается, что въ ско-
ромъ времени совершенно оная пропа-
детъ?

И такъ не справедливо ли я ска-
залъ, что надобно различать дѣйствитель-
но въ природѣ вещей находя-
щееся отъ того, что единственно
отъ нашихъ предразсудковъ и отъ
превратнаго образа нашихъ мыслей
происходитъ?

ПОЛОЖЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

То свидѣтельство, которое предложено людьми достойными, предусмотрительными и достаточное извѣстіе о дѣлѣ имѣющими, продолженіемъ времени нисколько не тѣряетъ своей достовѣрности, хотя бы и много протекло столѣтій послѣ онаго засвидѣтельствованія.

Въ предвѣдущемъ положеніи видѣли, что свидѣтельство всегда остается равно достовѣрнымъ, доколѣ имѣетъ нѣ признаки, которые сперва столько дали оному вѣроятія, сколько того достойны были.

Здѣсь рѣчь идетъ о таковомъ свидѣтельствѣ, которое имѣетъ при себѣ всѣ потребныя обстоятельства, т. е. о свидѣтельствѣ предложенномъ такими особами, которыя имѣли всю потребную способность къ надлежащему взвѣшенію дѣла, которыя со тщаніемъ оное изслѣдовали, и какъ честные люди ни болѣе, ни менѣе не сказали, нежели какъ они о томъ знали.

Епо очевидно, что свидѣтельство, со всѣми нужными обстоятельствомъ прешедшее къ потомству, имѣетъ при себѣ всѣ признаки достоверности.

Слѣдовательно оно навсегда, по меньшей мѣрѣ, столько же оспается достовернымъ, сколько прежде было. Отсюда вытекаютъ слѣдующія предложения:

1.е. Что всѣ тѣ выкладки, какими думаютъ опредѣлить ту степень достоверности, которую время отбемлетъ у свидѣтельства, вовсе надлежитъ отвергнуть; поелику въ такомъ случаѣ не дѣлается того нужнаго различія, которое мы выше показали.

Тѣ, которые дѣлаютъ таковыя выкладки, должны бы вѣрно показать, того ли они мнѣнія, что свидѣтельство послѣ продолжительнаго времени само по себѣ не столько уже достоверно, или они тѣхъ мыслей, что оно менѣе заслуживаетъ вѣроянія отъ стороны тѣхъ особъ, которыя слышатъ повѣствованіе объ ономъ или разыскиваютъ оное.

Правда, можно принять подположеніе или положеніе условное, и по

произвольному подположенію столько дѣлашь выкладокъ, что онымъ и конца не будетъ. Однакожъ, ежели самое подположеніе ложно, то и всѣ основанныя на немъ выкладки, при всей ихъ правильности, самую вещь будутъ составлять одну только бесполезную игру разума, похожую на воздушной замокъ.

Ежели хотятъ дѣлашь таковыя выкладки основательнымъ образомъ, то природа вещей даетъ одно только предложеніе, на которомъ можно въ семъ случаѣ утвердиться, т. е. что съ продолженіемъ времени уменьшаются или тѣряются тѣ обстоятельства, которыя прежде того дѣлали свидѣтельство достовернымъ.

Сіе ведетъ насъ прямымъ путемъ къ разсмотрѣнію свидѣтелей, касательно ихъ въ томъ познанія и праводушія.

Всѣ выкладки, дѣлаемыя о уменьшеніи степеней достоверности какого либо свидѣтельства, и нерѣдко украшаемыя пышнымъ наименованіемъ основательныхъ открытій, суть одни токмо вымыслы, когда онѣ не бываютъ основаны единственно на свойствахъ свидѣтелей.

По сему всѣмъ тѣмъ выкладки, которыя основаніемъ своимъ имѣютъ Физическую токмо возможность быть обманутымъ, суть не что другое, какъ порожденія блуждающаго воображенія и однѣ токмо химеры. Ибо въ такомъ случаѣ заключенія свои основываютъ на такомъ положеніи, котораго родъ человѣческій никогда уважить не можетъ и никогда не уважалъ. Надобно вспомнить сказанное о томъ въ XIII положеніи.

2. Поелику достовѣрность исторіи надлежитъ измѣрять одними только свойствами свидѣтельства, то и можно по прошествіи должайшаго времени столь же ясную имѣть достовѣрность объ истиннѣ сего исторіи, каковую имѣли жившіе въ то время или не много спустя, какъ повстрѣчалась та исторія.

1. Примѣчаніе. Что мы доселѣ доказывали непосредственно изъ разума, то самое утверждается общими понятіями и опытомъ всѣхъ людей, и слѣдовательно наше доказательство о сей истиннѣ можетъ быть принято за совершенное доказательство отъ опыта (demonstratio a posteriori).

Ни какая исторія, имѣвшая въ свое время такія доказательства, которыя по обыкновенію и всеобщему согласію людей подають разумное удостовѣреніе, не теряетъ степень достоверности своей въ послѣдующія времена по тому, что это не тѣ времена, въ которыя дѣло происходило.

Дѣянія Александра, Ганнибала, Кесаря или Помпея, могутъ въ семъ случаѣ послужить примѣромъ. Мы вѣримъ истиннѣ оныхъ и теперь столько же твердо; самые благоразумные и ученые изъ нашихъ предковъ не менѣе были о томъ увѣрены какъ и тѣ, которые жили въ предвѣдущемъ вѣкѣ; и такимъ образомъ, когда отъ одного вѣка восходимъ къ другому, то ту же находимъ степень удостовѣренія, какъ и нисходя отъ первыхъ временъ къ нашимъ. Мы не видимъ, что бы кто нибудь жаловался на уменьшеніе очевидной достоверности сихъ дѣяній. Ни кто не желаетъ, чтобъ ему удалось быть современникомъ сихъ Героевъ для большаго удостовѣренія о пораженіи Дарія, или о препобѣжденіи Ганнибала и Помпея. Мы нынѣ столько же вѣ-

Час. II.

римъ бытописателямъ оныхъ, какъ и за тысячу лѣтъ другіе по дѣлали. Мы говоримъ о сихъ великихъ произшествіяхъ съ такою же увѣришельностію, съ какою когда либо епо было дѣлано. Объ нихъ рассказываютъ юношесству, не упоминая однакожъ никогда, что оныя со дня на день спановаясь менѣе правдоподобны. Хотя мы ежечасно удаляемся отъ тѣхъ временъ, въ которыя тѣ дѣла происходили, однако же мы не болѣе спараемся о сохраненіи ихъ памяти, какъ и наши предки. Я не вижу никого, кто бы сомнѣвался хотя малѣйше по причинѣ продолжительнаго времени, каковое послѣ нихъ протекаетъ. Я не вижу также, что бы хотя одинъ человекъ предостерегалъ своихъ современниковъ отъ опасности, ежедневно возрастающей, т. е. что нѣкогда истинное бытописаніе спануть счищать за одну басню.

Но если бы хотѣли поступать правдоушно, то надлежало бы свѣтъ о томъ увѣдомишь. Надлежало бы опредѣлить степень достоверности, каковую каждой писатель, по различію своего вѣка, заслуживаетъ. По справедливости надлежало бы точно

показать, которой изъ нихъ заслуживаетъ еще совершенное вѣрояніе, которой началъ становиться романомъ, и которой уже ничего кромѣ того не составляетъ. Сколь справедливо было бы то, чтобъ такимъ точно образомъ различены были писатели, сіе легко можно доказать. Ибо имовѣрность бытописанія или споспѣшествуетъ сколько нибудь тѣмъ благимъ впечатлѣніямъ, которыя оно должно сдѣлать въ разумъ человѣковъ, или нисколько къ тому оно не споспѣшествуетъ.

Ежели послѣднее справедливо, то могутъ съ такою же пользою читать романы, какъ и истинную исторію; и для чегожъ бы не должно было вычислять достоверность каждой исторической книги, когда ея нимало не дѣлаетъ свѣту вреда?

Но ежели первое справедливо, то етъ выкладки вдругъ опоймутъ всю древнюю исторію. Слѣдовательно когда осматки древнихъ писаній ничего больше не значатъ, какъ одни романы; то для чегожъ не говорятъ е- того всякому, дабы тѣмъ избавить людей отъ труда и скуки, читать столь многія вовсе безполезныя книги?

2. Примѣчаніе. Въ подположеніи сихъ изслѣдованій смѣшивающъ двѣ весьма различныя вещи. Дѣйствительная достоверность или довольная причины, по которымъ должно вѣрить исторіи всѣхъ временъ, есть вещь вовсе отличная отъ того впечатлѣнія, которое можетъ сдѣлать сія исторія, или отъ того вліянія, которое она можетъ имѣть на разумъ человѣческій. Я уступаю, что время уменьшаетъ и ослабляетъ впечатлѣніе или дѣйствіе исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, чтобы, доколѣ Римъ и Карфагенъ запераны были въ оной ужасной войнѣ, или доколѣ Антоній и Августъ спорили о царствѣ, не съ большимъ жаромъ о томъ говорили и не болѣе бы брали участія въ сихъ раздорахъ въ то самое время, или чтобы одно или два послѣ того столѣтія не болѣе были увѣрены, нежели во времена наши. Однакожъ и нынѣшніе Римляне не менѣе увѣрены, нежели предки ихъ за пятнадцать столѣтій.

И такъ есть дѣйствительное различіе между достоверностію историческою и тѣмъ участіемъ, которое мы беремъ въ исторіи. Но легко мож-

но смѣшати сіи двѣ вещи. Отсюда
 происходитъ заблужденіе. Иные ду-
 маютъ, будто они болѣе имѣютъ
 достовѣрности о тѣхъ вещахъ, кото-
 рыя дѣлаютъ на нихъ сильнѣйшее
 впечатлѣніе; и епо конечно суть тѣ
 вещи, которыя имѣютъ тѣснѣйшую
 связь съ нашими временами, съ на-
 шимъ отечествомъ. Напротивъ того
 примѣтно, что или мало или совсѣмъ
 никакого не берутъ участія въ ве-
 щахъ, случившихся въ странахъ оп-
 даленныхъ, или за тысячу лѣтъ ра-
 нѣе. Епо и еснъ причиною, что мы
 совсѣмъ почти не дѣлаемъ вниманія
 на самыя вещи, или мало стараемся
 о изслѣдованіи исторической ихъ ис-
 тинны. Сія невнимательность мало
 по малу покрываетъ исторію нѣкоп-
 раго рода облаками, помрачаетъ ее,
 дѣлаетъ ее сомнительною, такъ что
 наконецъ она или кажется намъ вы-
 мышленною, или не больше мы о ней
 увѣрены бываемъ, какъ и прежде. Я
 навѣрно полагаю, что смѣшеніе по-
 нятій, столько по природѣ своей раз-
 личныхъ, есть главное начало сего
 мнѣнія, что вѣроятіе исторіи съ те-
 ченіемъ временъ уменьшается и про-
 падаетъ.

3. Примѣчаніе. Хотя въ собственномъ и точномъ разумѣ не можно сказать, чтобъ достоверность свидѣтельства съ теченіемъ времени дѣйствительно возрастала и становилась большею, нежели какъ была въ началѣ. Положимъ, что она получаетъ новые признаки увѣренія; однакожъ съ достоверностію можно сказать, что съ теченіемъ времени могутъ открываться причины, которыя усиливаютъ вѣроятіе и болѣе утверждаютъ истинну вещи. И такъ ясная достоверность можетъ быть сильнѣе въ то время, которое не такъ близко къ первому свидѣтельству исторіи, нежели въ то, которое сряду по учиненіи того засвидѣтельства прошло.

Правда, всякой имѣетъ право изслѣдывать свидѣтельство; однакожъ при такомъ изслѣдованіи не лзя опустить сихъ истинно важныхъ обстоятельствъ, что сіе свидѣтельство выдержало испытаніе многихъ, другъ за другомъ слѣдующихъ вѣковъ, что безчисленное множество чистосердечныхъ, праводушныхъ, способныхъ, разумныхъ и ученыхъ мужей дѣйствительно предпринимали

испытаніе онаго, и что всѣ сіи мужи, по долговременномъ и трудномъ изслѣдованіи, согласились на его истинну, и единодушно сознались, что то свидѣтельство по всѣмъ правиламъ здоровой Логикѣ заслуживаетъ вѣроятіе. И вотъ выгода, каковую почерпаютъ послѣдующія времена отъ предъидущихъ. Оба сіи времена судятъ о истиннѣ по внутренней важности доказательствъ; но первыя времена не имѣютъ подтвержденія толликихъ тысячъ людей, кои всѣ думали о сей матеріи и все одно и тоже выводили заключеніе. Не удивительное ли, и почти не невозможное ли бы было дѣло, что бы такое множество людей, жившихъ въ столь многихъ мѣстахъ и въ различные времена, которыхъ чувства и восприимчивостіе сполько были различны, которыхъ нѣкоторая часть имѣла свои предразсудки и большая часть имѣла здоровой разумъ. Не кажется ли епо, говорю я, почти невозможнымъ, что бы всѣ сіи люди сдѣлали одинакія ложныя заключенія, и что бы всѣ они одинаковымъ образомъ ослѣплены были при ихъ изслѣдованіяхъ? Ежели все епо порядочно вѣвѣсимъ, то сви-

дѣйствительство получивъ чрезъ то сильное подкрѣпленіе. Ибо почти не понятно, какимъ бы образомъ перемѣна столь многихъ постепенно слѣдующихъ временъ, и такое множество разумныхъ людей его одобрили, если бы оно не основывалось на разумѣ.

Дѣйствительно можно пошѣряться въ сей загадкѣ. Нѣтъ никакого средства согласить оное съ здравымъ разсудкомъ, которой никогда не преспавалъ существовать въ мірѣ. Не уже ли всѣ сіи люди уговорились дозволить ослѣпить себя въ семъ дѣлѣ? Еслижъ представить ихъ незнающими, легковѣрными, нерадивыми; ето противно будетъ тому понятію, каковое мы о нихъ предположили. Если представить, что они согласились и клялись обманывать времена грядущія; то мы забудемъ то чистосердечіе, каковое приписали имъ, и весьма глупо поступимъ, взявъ такую догадку о столь различныхъ вѣкахъ и народахъ. Чтожъ причиною сего столь общаго заблужденія, когда ето есть заблужденіе? Какъ можно допустить сіе столь общее очарованіе? Какое несчастіе вскружило столь многія головы? Или сіе послѣднее

Не лучше ли сказать о шѣхѣ, кои и-
мѣютъ таковое подозрѣніе?

И такъ, по мнѣнію моему, я мо-
гу безъ запинанія принять сіе за из-
вѣстное, что нѣкоторыя исторіи мо-
гутъ имѣть такія доказательства,
которыя, по прошествіи должайшаго
времени, не только дѣлаютъ оныя вѣ-
роятными, но когда обдумаемъ все,
даже дѣлаютъ еще вѣроятнѣйшими,
нежели какъ онѣ были въ разсужде-
ніи людей, жившихъ въ то самое вре-
мя, когда оныя происходили, а од-
нако не видѣвшихъ того собственными
глазами.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

въ которой показывается польза и
необходимость нравственной достовѣр-
ности въ дѣлахъ человеческой жизни,
такъ какъ и бѣдственное замѣша-
тельство, могущее произойти отъ
всеобщаго опроверженія оной.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Общее начертаніе сей главы.

Въ предвѣдущихъ положеніяхъ я
объяснилъ основаніе, свойство и соб-
час. II у

ственные признаки нравственной достовѣрности столько, сколько я считалъ по нужнымъ для моей цѣли. Ето было первое мое предположеніе. (а)

Второе, что мнѣ надлежитъ сдѣлать, относится къ пользѣ и необходимости сей достовѣрности. Я долженъ теперь доказать, что мы обязаны уважить сію достовѣрность, когда она имѣетъ всѣ потребныя свойства. Я сдѣлаю ето, показавъ бѣдственное замѣшательство, могущее въ цѣломъ свѣтѣ произойти изъ того, когда каждой будетъ презирать и отвергать сію достовѣрность.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Сколь опасно опроверженіе нравственной достовѣрности для сохраненія правосудія и спокойствія царствъ.

Я примѣчаю 1, что на сей нравственной достовѣрности основывается все сохраненіе правосудія и следовательно цѣлость общества.

(а) Смолр. 2 отдѣл. въ 1 гл. 2 части.

Ни Законодатели, ни Судии не могутъ быть во всѣхъ мѣстахъ, и собственными глазами видѣть добрыя и худыя дѣла своихъ подданныхъ, слѣдовательно они сполько же мало могли бы кого нибудь наказывать, какъ и награждать; естли бы не хотѣли освѣдомляться чрезъ другихъ, кто достоинъ наказанія или награды. Они обязаны слушать, что другіе видѣли и слышали, и рачительно вникать во всѣ входящія шуда обстоятельство. Естли все по учинено почно исправнымъ судебнымъ порядкомъ; то и у самыхъ справедливѣйшихъ и разумнѣйшихъ народовъ почитается сіе за довольнѣйшее удостовѣреніе, не изключая и самыхъ важнѣйшихъ судопроизводствъ, относящихся до жизни и всего щастія людей. Что бы могло быть жалостнѣе состоянія человѣческаго, когда бы въ таковыхъ случаяхъ свидѣтельство не принималось за доказательство? Чтобъ могло воспрепятствовать злодѣю, издѣваться надъ законами и Государемъ? Сколько бы безъ всякаго страха произведено было злодѣяній, естли бы онъ ничего болѣе не опасался, какъ только что бы судія его не увидѣлъ?

Тогда вовсе изгнана бы была изъ общества безопасность, тогда бы болѣе не можно было полагаться на покровительство законовъ, тогда бы каждого окружала опасность, тогда бы безъ всякаго наказанія разграбляли дома, и малѣйшій непріятель явно срывалъ бы съ насъ головы; чтобъ могло отъ того удержатъ его, когда бы онъ не боялся свидѣтелей?

И такъ глаза и уши другихъ, должны служить спражею устройства общественнаго. Глаза и уши другихъ людей должны производить то, чего Судія не можетъ сдѣлать посредствомъ собственнаго зрѣнія и слуха. Въ противномъ случаѣ не только важность правительства поправа бы была ногами, но и никакая предосторожность не могла бы воспрепятствовать имъ безпорядкамъ, каковыхъ какъ цѣлое общество, такъ и каждой въ частности долженъ бы былъ опасаться. Тогда бы совершенно погъряны были всѣ средства обезопасить общественное благо и всеобщее спокойствіе. Тогда бы должно было все позволить, все попустить, никому ничего не запрещая. Проницательность тогда была бы совсемъ бесполезна,

и въ семъ безпорядкѣ должно бы было пустить все на удачу. Къ чему бы могла служить проницательность, сама по себѣ взятая, когда бы мы не знали свѣта? И какимъ образомъ мы можемъ хотя нѣсколько научиться познавать свѣтъ, когда въ немъ нѣтъ никакой нравственной достовѣрности. Какую пользу могли бы мы почерпнуть отъ приобретенія сего знанія, когда бы мы столь же мало могли вѣрить другому, какъ и на что нибудь положиться. Далѣе, мы не могли бы имѣть для своихъ дѣлъ ни побужденій, ни ободреній, и самый разумнѣйшій поступокъ, при семъ всеобщемъ сомнѣнн, состоялъ бы въ томъ, чтобъ мы ничего не дѣлали.

СТАТЬЯ ТРЕТІЯ.

Продолженіе сей матеріи, въ отношеніи къ обществу вообще.

Я примѣчаю 2, что за отверженіемъ нравственной достовѣрности, непосредственно и необходимо должно слѣдовать совершенное разторженіе общества.

Довѣренность одного человѣка къ другому, есть главнѣйшая связь обществъ. Она соединяетъ людей достовѣрнѣйшимъ образомъ. По опроверженіи сей достовѣрности, все наполнено будетъ страхомъ и подозрѣніемъ. Каждой будетъ опасаться, каждой будетъ почитать другихъ опасными непріятелями, ищущими его несчастія, или ложными друзьями, которыхъ вѣрность всегда подозрительна. Пусть онъ дѣлаетъ то или другое, слѣдствія оныхъ всегда будутъ одинаковы. Тогда сохраненіе общественнаго благоденствія, будетъ вещь невозможная. Общественное благо требуетъ, что бы люди были открыты и искренны, что бы они имѣли другъ къ другу хорошія склонности и расположенія, что бы они старались о сохраненіи чести и имени добраго человѣка. Когда же люди живутъ безпрестанно думая, что ихъ обманываютъ другіе, когда они ни на минуточку не могутъ освободиться отъ подозрѣнія въ коварствахъ, что бы ни было дѣлано; то жители земные имѣютъ всѣ возможныя причины опасаться и ненавидѣть другъ друга, и слѣдовательно они тогда

должны почищать себя благополучнѣйшими, когда они весьма опдалены отъ подобныхъ себѣ; кто бы имѣлъ время и охоту стараться о общемъ благѣ; когда бы собственная оборона довольно наводила работы? Тогда бы разсѣялся весь родъ Человѣческій: погибли бы общества, опустѣли бы города, разрушились бы цѣлыя Государства. Одинъ долженъ бы былъ бѣжать туда, другой сюда; всѣ торги прекратились бы, и пошѣрялось бы различіе состоянія. Государи и подданные были бы подобны другъ другу. Ибо тогда никто бы не захотѣлъ повиноваться Государямъ, и подданные, въ случаѣ нужды, не знали бы, къ кому прибѣгнуть. Каждый бы былъ Господиномъ надъ собою и въ своемъ обществѣ; кромѣ себя, не зналъ бы никакого другаго сочлена, слѣдовательно каждый старался бы только о самомъ себѣ, и только бы на себя одного полагался.

Что бы далѣе произошло изъ того, если бы разорваны были всѣ связи, соединяющія людей между собою и уничтожены всѣ роды взаимнаго расположенія? Открытая война и величайшія непріязненности. Сила

Стихотворецъ сдѣлалъ о первобыт-
номъ состояніи человѣка, и почита-
ютъ за обязанность учиться мыслить
о свѣтѣ. По чему не должно дивить-
ся ихъ понятію о произхожденіи об-
ществъ. По ихъ мнѣнію, распри, вза-
имная недовѣрчивость и другія враж-
дебныя наклонности, кои первые чле-
ны общества имѣли другъ къ другу,
принудили ихъ соединиться въ об-
щество. И такъ естественная неспо-
собность людей къ общественной
жизни принудила ихъ начать эту
жизнь, то есть, она принудила ихъ

Nominaque inuenere, de hinc absiste-
re bello
Oppida ceperunt munire et ponere
leges et cet.

То есть: какъ только первыя животныя
выползли изъ пещеръ подземныхъ, сіи нѣмые
и мерзскіе скотины, сперва за жолуди и ло-
говища сражались когтями и кулаками, по-
томъ палками, а наконецъ оружіемъ, кото-
рое показалъ имъ опытъ, пока не изобрѣли
они словъ и имянъ, которыми означали свои
глаголы и свои чувства. По томъ оставили
брань, соорудили города и основали законы и
проч.

Час. II Ф

звести честные нравы, хороший порядокъ, различіе соспояній и попеченіе другъ о другъ. По чему изъ столь гнусной причины произошли прекрасныя дѣйствія.

И такъ очевидно, что таковыя начала разрушаютъ общество, и оно конечно истреблено бы было совершенно, если бы возможно было когда либо выиграть имъ побѣду въ свѣтѣ. Не если глупость почиать за основаніе и связь обществъ по, что очевиднымъ образомъ свершаетъ всеконечную гибель оныхъ?

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Продолженіе сего разсужденія въ отношеніи къ Гражданскимъ преимуществамъ, каковыя имѣютъ члены общества.

Я присовокупляю же, что великое множество нашихъ гражданскихъ правъ и преимуществъ основывается на нравственной достовѣрности такъ, что мы чрезъ нее должны доказать право обладанія оными, и даже иногда никакого не имѣемъ на по осно-

ванія, кромѣ сей нравственной достовѣрности.

Совершенное доказательство сего подають намъ обыкновенные случаи рожденія, сродства, наслѣдства, или завѣщанія. Сіе доказательство не шѣряетъ своей силы предъ очами людей разумныхъ по тому, что объявленные случаи бывають почти ежедневно.

Когда между сими случаями одни находящіяся такіе, при которыхъ (*) личное познаніе и доказательство чувствъ совсемъ невозможно, а другіе таковы, что никто въ оныхъ того и не пребудетъ, то и должно будетъ уступить, что въ еѣхъ случаяхъ нѣтъ мѣста ни единому роду доказательства, какъ отъ разума, такъ и отъ опыта (a priori et a posteriori), ниже отъ приведенія къ нелѣпости (ad absurdum): и что слѣдовательно надобно удовольствоваться нравственною достовѣрностію. Это такъ ясно, что я не хочу болѣе

(*) Homer. Odyss. I. v. 223.

То есть: никто собственными чувствами не позналъ, кто ему отецъ.

мѣдлить на семъ пунктѣ, но вывожу изъ того при слѣдующія послѣдствія:

Есть 1) исторіи, которыя однимъ свидѣтельствомъ столь ясно доказываются, что каждый можетъ быть совершенно въ истиннѣ оныхъ увѣренъ. Никто не подполагаетъ въ томъ обмана или ослѣвленія, и томъ весьма смѣшнымъ оспался бы, кто не захопѣлъ бы въ семъ случаѣ положить на другихъ.

2.) Въ тѣхъ вещахъ, которыя по отношенію къ сложествію и благосостоянію обществъ очень важны, совершенно основываются на нравственной достовѣрности. Конечно приведенные теперь примѣры взяты отъ такихъ вещей, отъ которыхъ весьма много зависитъ общественное благосостояніе. Все бы у насъ пришло въ безпорядокъ, если бы права рожденія и наслѣдства должно было основывать на Математической достовѣрности.

3.) Вся тѣ представленія, которыми хотятъ показать безполезность и неосновательность нравственной достовѣрности, испровергаются однимъ устройствомъ свѣта, и не обманчивымъ свойствомъ дѣла чело-

взвѣснихъ. Каждый человѣкъ обстоя-
тельствами своего рожденія можетъ
предостеречься отъ того предразсуд-
ка, которой дѣлаетъ для него подо-
зрительнымъ нравственное увѣреніе.
Онъ съ самаго младенчества имѣетъ
се опроверженіе. Чемъ больше про-
текаетъ дней его жизни, тѣмъ боль-
ше укрѣпляется онъ въ хорошемъ
мнѣніи о сихъ доказательствахъ. И-
бо онъ безпрестанно пользуется о-
ными. Даже они въ то самое время,
какъ онъ оспариваетъ ихъ важность,
симъ или другимъ образомъ споспѣ-
шествуютъ его щастію и удоволь-
ствію.

СТАТЬЯ ПЯТАЯ.

*Продолженіе той же матеріи въ от-
ношеніи къ наукамъ.*

Я примѣчаю еще 4 е, что опро-
верженіе нравственной достовѣрности
между прочимъ дѣлаетъ величайшій
вредъ наукамъ.

Большая часть нашихъ наукъ, и
при томъ самыхъ полезѣйшихъ для
человѣческой жизни, должна бы пасть
и вовсе потерять свое употребленіе,

если бы не можно было увѣриться ни въ какой вещи, о которой мы имѣемъ одно только нравственное увѣреніе.

Что бы мы сдѣлали съ исторіею во всѣхъ ея различныхъ частяхъ? Какую бы намъ принесло пользу повѣствованіе исторій и обычаевъ человѣческихъ, какую чудеса природы, описаніе земель, примѣчанія сдѣланныя о печеніи небесномъ, изчисленія времени, и многія другія, относящіяся сюда вещи, если бы никогда не можно было положиться на свидѣтельство другаго?

Подумаемъ, что бы значила тогда Географія, Хронологія, и большая часть Естественной исторіи? Сія наука ничто иное суть, какъ собраніе различныхъ свидѣтельствъ. И такъ объ нихъ не лучше думать надобно, какъ о басняхъ и романахъ. Что же составляютъ они въ нашихъ библіотекахъ? Такимъ образомъ не можно бы было болѣе имѣть никакихъ другихъ опытовъ или открытій, кромѣ тѣхъ, которые мы сами сдѣлали. Никакая истинна не была бы столько достовѣрна, что бы въ общественномъ обращеніи или въ ка-

кой либо наукѣ, какъ умозрительной, такъ и дѣлопроизводственной могъ кто либо основаться, естли прежде того самъ не доказалъ оную. Всякой долженъ бы былъ довольствоваться тѣмъ только, что самъ узналъ, и отказаться отъ всѣхъ тѣхъ выгодъ, каковыя бы онъ могъ получивъ отъ старанія другихъ. Никто не могъ бы быть знакомъ природы или Философомъ, никто не могъ бы научиться Истории или Географіи, развѣ только поколику онъ узналъ о томъ изъ природы по собственному своему старанію, по слѣпому случаю, или по спеченію всѣхъ сихъ обстоятельствъ. Сколь бы немногіе могли дѣлать фигуру въ ученѣмъ свѣтѣ, когда бы въ немъ не можно было украситься ничемъ, кромѣ вещей, изобрѣшенныхъ самимъ собою? Когда бы ничего другаго не можно было выдать въ свѣтѣ; когда бы каждой писатель, котораго перомъ по тѣ, по другіе украшаются, умиралъ вмѣстѣ съ своими твореніями; О сколь бы мало осталось тогда для другихъ!! Многіе, коихъ учености мы нынѣ удивляемся, были бы тогда у всѣхъ въ посмѣяніи.

Легко видѣть можно, какое послѣдствіе отсюда происходитъ. Есть въ наукахъ истинны до неизчислимаго числа вещей относящіяся, которыя никакого другаго доказательства не имѣютъ, кромѣ свидѣтельства объ нихъ другихъ людей. Слѣдовательно, ежели и кромѣ сихъ находятся вещи, которыя со всѣхъ сторонъ столько же достаточныя имѣютъ свидѣтельства, при которыхъ по крайней мѣрѣ находятся такіе же признаки достовѣрности, въ которыхъ видны знаки чистосердечія и правдивости свидѣтелей; при которыхъ купно стекаются всѣ сіи обстоятельство, противъ коихъ не можно сдѣлать никакого разумнаго возраженія или опроверженія. Если мы не хотимъ запутаться въ нерѣшимыхъ трудностяхъ, если, говорю я, такія вещи находятся внѣ круга наукъ: то свидѣтельство объ оныхъ, данное другими людьми, столько же должно быть важно, какъ и въ наукахъ, или должно его равнымъ образомъ въ обоихъ случаяхъ отвергнуть, когда не хотимъ поступать противу здраваго разсудка. Какъ надлежитъ думать о тѣхъ людяхъ, которые хващаются

за первое свидѣтельство, дабы онымъ
 оспорить второе, которые кучами
 приводятъ намъ мѣста и свидѣтель-
 ства знаменитыхъ людей, въ томъ
 намѣреніи, дабы доказать намъ, что
 нѣтъ ничего глупѣе, какъ основываться
 на важности другихъ людей,
 кто бы они въ прочемъ ни были? Мо-
 жетъ ли быть ктонибудь вздорѣе
 сего? Можно ли гдѣнибудь найти
 болѣе сего несправедливости? Не зна-
 чить ли по истинѣ своеправіе и
 вздорливость, когда доказательство
 въ одно время называютъ превосход-
 нымъ, а въ другое съ величайшимъ
 презрѣніемъ оное отвергаютъ, не
 смотря на то, что суть все одно
 и тоже? Или не значить ли это
 жертвовать истинною какимънибудь
 другимъ выгодамъ?

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

въ которой показывается глупость
 и несправедливость сцелтицизма, въ
 отношеніи къ нравственной достовѣр-
 ности.

Час. II

X

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Всеобщее начертаніе сей и послѣдующей главы. Достаточно, какъ я думаю, доказавъ природу и пользу нравственной достовѣрности, я хочу сдѣлать примѣчанія на разные роды людей, которые опровергаютъ оную. По томъ присовокуплю я нѣкоторыя другія, которыя къ разрѣшенію извѣстныхъ трудностей и къ руководству въ изслѣдованіи истинны не могутъ быть безполезны въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ единственно только на нравственной достовѣрности надлежитъ основываться.

Такимъ образомъ я кончу вторую часть тѣхъ главныхъ чепырехъ спашей, которыя намѣренъ былъ доказать, и надѣюсь, что тогда уже совершенно будетъ мною доказано, что вышесказанное доказательство шакое есть свойства, что каждой долженъ на него согласиться и его принять.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Различной образъ, распространять
сцептицизмъ, не дѣлаетъ никакого
вещественнаго различія въ ономъ.

Теперь видно, что люди, выда-
ющіе нравственную достовѣрность за
недоказанную, неизвѣстную и обман-
чивую вещь, шутятъ только въ сло-
вахъ нагъ свѣтомъ, и дѣйствительно
весьма опасны для Государственнаго
спокойствія и общественнаго благосо-
стоянія.

Я разумѣю подъ симъ всѣхъ
тѣхъ, кои одинакую имѣютъ цѣль,
хотя и различныя избираютъ къ по-
му пути. Нѣкоторыхъ изъ нихъ, я
признаюсь охотно, можно хвалить за
чистосердечіе. Они идутъ открыто,
не желая заслѣпить мракомъ очей
нашихъ. Они объясняютъ безъ за-
коулокъ и берутъ прямую дорогу;
они не затрудняютъ насъ угадыва-
ніемъ ихъ мнѣній.

Еще люди въ глаза говорятъ
намъ, что приведенныя доказатель-
ства ни къ чему годны, и уваженіе
имѣютъ только у людей глупыхъ и

сѹевѣрныхъ, что изъ нихъ не лѣзя
 вывесить ничего вѣрнаго, и что все
 то, что можетъ быть извѣстно въ
 нихъ, состоитъ въ томъ, что сїи
 или другія вещи предложены были
 такими людьми, о которыхъ все рав-
 но думать, обманули ли они насъ,
 или правду сказали намъ.

Но есть и такіе, которые идутъ
 не такъ прямою дорогою. Они умѣ-
 ютъ скрыть свое намѣреніе, они не
 хотятъ носить имени сомнѣвающих-
 ся, но дѣлаютъ лишь всякіе вопросы
 и сказываютъ намъ, что есть въ свѣтѣ
 и такіе, которые сомнѣваются. Есть-
 ли бы кто спалъ судить по ихъ сло-
 вамъ, то подумалъ бы, что ихъ
 сердце большое беретъ участіе въ
 состояніи Благочестія Христіанскаго.
 Для нихъ весьма досадно, что столь
 много находится невѣрующихъ; они
 не могутъ понять, отъ чего бы это
 происходило. Они кромѣ себя, о дру-
 гихъ людяхъ почти не имѣютъ ни-
 какого хорошаго мнѣнія, которые та-
 кимъ образомъ отъ другихъ отдѣля-
 ются. Богочестіе Іисуса Христа, го-
 ворятъ они, имѣетъ довольныя сви-
 дѣтельства. Никто изъ разумныхъ
 людей никогда сего не отрицалъ.

Однако нѣкоторыя, всеобразныя собрали противу свидѣтельства чело-
вѣческаго возраженія, которыя дѣла-
ютъ оное сомнительнымъ, а всецѣ-
лое Евангеліе неизвѣстнымъ. Но что
еще болѣе? Сцептицизмъ и невѣріе въ
наши времена столько простерли свое
владычество, что ничему не хотятъ
вѣрить, что несовершенно доказано.

Сіи люди дѣло свое начинаютъ
коварнымъ образомъ. Христіанское
Благочестіе еще имъ обязано благо-
дарностію за то, что они берутъ
участіе въ его обстоятельствахъ въ
то время, когда уже невѣріе въ ве-
ликой силѣ. Почти кажется, будто
они считаютъ за оказаніе услуги Е-
вангелію, когда они мнимыя его сла-
бости тѣмъ или другимъ образомъ
открываютъ такимъ людямъ, кои
безъ руководства ихъ, можетъ быть,
никогда бы и не подумали. Или паче
не есть ли это коварной способъ къ
непримѣнному распространенію опас-
нѣйшихъ для Благочестія предраз-
судковъ; а чрезъ то и къ приуготов-
ленію людей къ совершенному Деизму.

Явный врагъ Христіанскаго уче-
нія, человѣкъ незнающій никакихъ
мѣръ въ злохуленіи онаго, который

называетъ ^{то}ое обманомъ, и почитаетъ за одинъ только вымыслъ духовныхъ, на которыхъ онъ самымъ жесточайшимъ образомъ нападаетъ, такого рода человекъ, говорю я, не можетъ быть сравненъ съ теми ложными друзьями благочестія, кои ему подъ сею маскою селятся дать смертельный ударъ, и подкопать прямые столпы его.

Одинъ изъ нихъ явно показываетъ себя нашимъ врагомъ. Онъ не можетъ на насъ напасть нечаянно, да даже сего и не ищетъ. Его можно остеречься. Дѣйствія его разгоряченія еще бываютъ полезны для благочестія, по тому, что онъ ничего не произноситъ кромѣ поносныхъ словъ. Изъ чего и видно, что онъ никакихъ не имѣетъ хорошихъ доказательствъ; ибо иначе онъ вѣрно употребилъ бы оныя.

Но другой употребляетъ коварство. Онъ не нападаетъ на насъ прямо; но тѣмъ болѣе тихимъ образомъ вливаетъ свой ядъ такъ, что человекъ часто не прежде замѣчаетъ свою болѣзнь, какъ уже всосавъ въ себя оной. Все коварство, употребляемое симъ врагомъ, состоитъ въ томъ,

что онъ нравственную достовѣрность дѣлаетъ сомнительною. Ибо когда она сомнительна, то можно потомъ съ Евангеліемъ поступать по собственному произволу. И для сего-то дѣйствительно избираютъ таковой путь для уловленія неискусныхъ, одѣваютъ вещи въ ложные виды, вселяютъ въ умы людей неосновательное подозрѣніе, представляютъ имъ совершенно необдуманые понятія, и выдаютъ имъ ничего незначащаго примѣчанія, кои нимало не относятся къ главному предмету, за глубокомысленные доводы; и потомъ увѣряютъ, что религія опъ нихъ никакимъ образомъ не можетъ защищаться. Епо подлинно весьма отличной способъ наставлять людей и рассказывать основаніе вещи. Но что таковой родъ невѣрующихъ находится, о семъ мы въ слѣдующемъ разсмотримъ.

СТАТЬЯ ТРЕТІЯ.

Сцелтики не знаютъ, что говорятъ, когда отрицаютъ всякую достовѣрность, каковую только можно имѣть о исторіи.

Когда ссылаются на исторію, то ихъ первой и послѣдній отвѣтъ: вы не можете быть въ этомъ увѣрены; со всѣмъ невозможно въ такихъ случаяхъ имѣть достовѣрности.

Сколько бы мы желали, что бы они намъ точнѣе изъяснили! Сколь охотно хотѣли бы мы знать, что они о томъ думаютъ! Ибо естли мы съ обѣихъ сторонъ одну и ту же вещь разумѣемъ подъ сими словами; то очевидно, что или они, или мы крайне вздорно заключаемъ.

1. Ежели они говорятъ о Математической извѣстности, утверждая, что мы не можемъ быть увѣрены; то гдѣжъ будетъ ихъ честность, естли ихъ таково мнѣніе? Ибо обѣщали ли мы имъ когда нибудь Математическую точность; или хвалились ли когда нибудь Христіане въ такихъ случаяхъ Геометрическими доказательствами? Хотя употребили родъ доказательствъ обыкновенной въ Геометріи, однакожъ доказательство свое основали не на такихъ вещахъ, каковыя встрѣчаются въ Геометріи, и падаютъ на чурства; но на такихъ, которыя доставляютъ нравственную достовѣрность, и по

тому не составляютъ собственно
 Геометрическаго доказательства.

Правда, мы говоримъ, что нрав-
 ственныя доказательства въ безчис-
 ленныхъ случаяхъ столькожъ удов-
 летворяютъ разуму, сколько и Геоме-
 трическое доказательство; утвержда-
 емъ и то, что сіе можно доказать.
 И сіе нами въ девятомъ положеніи
 шестой главы сдѣлано.

Однакожъ я смѣю сказать, что
 никогда себѣ человекъ и невообра-
 жалъ, а еще тѣмъ менѣе утверж-
 далъ, что бы въ доказательствахъ
 религіи находилась Математическая
 точность. Мы вмѣсто того пролив-
 ное сему сказали въ четвертомъ по-
 ложеніи шестой главы, какъ тамъ
 видѣть можно.

Слѣдовательно они приписываютъ
 намъ здѣсь такое мнѣніе, каковаго
 мы никогда не имѣли, и которое по
 сему самому нисколько не относится
 къ дѣлу.

И такъ они должны 2 е, по пред-
 положенію своему сказать, что при-
 чины, на которыхъ мы основываемъ
 нашу вѣру, не столько связаны и ос-
 новательны, — чтобы мы могли на
 нихъ положиться. Однако въ такомъ
 Часъ II II

случаѣ мы паки потребуемъ отъ нихъ
объясненія, того ли они мнѣнія,
что природа вещей не дозволяетъ ис-
торити столь точныхъ имѣть осно-
ваній, чтобы онѣ въ таковомъ слу-
чаѣ достаточны были, одобреніе ра-
зума содѣлать, судя по всей стро-
гости, спозвѣдливымъ, умнымъ и не-
обходимымъ.

Ежели ихъ мнѣніе таково, то
они обязаны просить прошенія у всѣхъ
тѣхъ, которымъ они его предлагали.
Ибо они признаютъ оныхъ людьми,
не имѣющими ни остроты, ни разума,
вводя на нихъ такую открытую не-
правду. Всякъ можетъ ее видѣть,
кто только не совсемъ въ свѣтѣ
новячокъ. И ежели Безвѣры нахо-
дятъ столь великое удовольствіе въ
ложныхъ представленіяхъ, то по мень-
шей мѣрѣ надлежало бы имъ дер-
жаться того искусства, чтобы не из-
бавить въ епомъ случаѣ тѣхъ мате-
рій, въ которыхъ соперничаютъ
съ ними всеобщее разуміе челове-
ковъ, основывающееся на повсяднев-
номъ опытѣ, на которой сами Без-
вѣры безпрестанно ссылаются, и слѣ-
довательно сами себя непредвиди-
мымъ образомъ опровергаютъ.

Мы не намѣрены больше оптады-
 вать ихъ мнѣнія. Ежели они сами
 знаютъ оное, то ему должно быть
 однимъ изъ двухъ нами упомяну-
 тыхъ. Изъ которыхъ однакожъ одно
 имѣетъ открыто ложное основаніе,
 а другое насъ нимало не касается.
 Это есть ясная истина. Въ прочемъ
 мы ихъ прощаемъ, когда они, не
 смотря на то, не стыдятся кричать
 намъ въ лицо: *вы не можете въ этомъ*
быть увѣрены.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

*Краткое и связное опроверженіе сщеп-
 тицизма.*

Мы заключаемъ сей членъ пред-
 ложеніемъ слѣдующей цѣли доказа-
 тельствъ для Безвѣровъ.

Мы можемъ быть увѣрены, что
 столь долго былъ порядокъ, правленіе,
 гражданство и сообщество въ свѣтѣ,
 доколѣ разумныя и къ общественной
 жизни способныя твари въ немъ на-
 ходились.

Слѣдовательно надобно быть въ
 свѣтѣ чему нибудь такому, въ чемъ
 бы одинъ человекъ могъ вѣрить дру-
 гому.

Слѣдовательно мы можемъ быть и увѣрены, что непременно должно находиться въ свѣтѣ точнымъ и точнымъ признакомъ достоверности.

И поному мы обязаны всегда надлежащимъ вниманіемъ наблюдать сіи знаки достоверности, гдѣ только оныя находятся.

Ибо поступать такимъ образомъ не только есть дѣло разумное и природою вещей оправдываемое; но и такое, къ коему также возбуждаютъ насъ безчисленные бѣдствія, неизбежно долженствующія слѣдовать за отверженіемъ той извѣстности или достоверности, которую сопровождають сіи признаки.

По сему мы можемъ, ежели не хотимъ намѣреннымъ образомъ жить въ сомнѣніи, быть увѣрены или извѣсны, что насъ всѣ законы природы человѣческой и міра, обязываютъ соглашать нашъ разумъ на всѣ тѣ доказательства, отверженіе которыхъ необходимо навлечетъ на насъ какое нибудь изъ вышеупомянутыхъ бѣдствій.

Поелику также Творецъ не могъ такимъ образомъ сотворить міра, что бы мы обманывались въ такихъ слу-

чаяхъ, на которые всякая справедливоспъ и самой правильной разумъ пребуютъ согласія у нашего смысла; пакъ, поелику онъ опнюдъ не могъ сего и допустить: то мы можемъ быть увѣрены, что во всѣхъ пѣхъ случаяхъ, гдѣ есть признаки достовѣрности, и при томъ ежели оные великой важности, не бываемъ обманушы подавая наше согласіе на пѣ истинны, которыя таковыми утверждаются доказательспвами.

Изъ всего сего мы извлекаемъ наше главное заключеніе: что основаніе нравственной извѣстности, а потому и достовѣрность оныя, не есть ни недоказано, ни неизвѣстно; но напротивъ утверждено пряснымъ образомъ на самой природѣ вещей. И ето было то, что намъ слѣдовало доказать.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

въ коей заключаются различныя правенія и наставленія для чистосердечно изыскивающихъ истинну.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Первое правило. Не смотри ни на какую пустую молву.

Я здѣсь ничего болѣе дѣлать не намѣренъ, какъ токмо дать правила чистосердечно ищущимъ истинну. Я чрезъ сіе буду ихъ утверждать въ тѣхъ мною доказанныхъ истиннахъ, и предохранять отъ всѣхъ возраженій, каковыя можно противъ оныхъ сдѣлать.

1. Прошу васъ привести на память, что все то, что о развратѣ свѣта и о его обманчивости и столь свойственной ему лжѣ сказать можно, отнюдѣ не опровергаетъ достаточества и достовѣрности нравственнаго доказательства.

Люди, говорятъ, лживы и обманчивы, каковыми были они и во всякое время. Епо справедливо, и кто сіе отрицалъ, или отрицаетъ? Но изъ сего слѣдуетъ ли, чшобы нравственная достовѣрность была обманчива, и чшобы на оную никакъ не можно было положиться?

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Второе правило. Полагайся болѣе на собственные свои опыты, нежели на всѣ рѣчи, которыя основаніемъ своимъ имѣютъ только: можетъ быть.

2. Не удивляйся, ежели слышишь отъ извѣстныхъ людей, что нравственные доказательства не дѣлаютъ невозможнымъ противнаго онымъ, или что они не доказываютъ необходимости вещи, и потому разуму ни когда не могутъ удовлетворить.

Епо ничто другое есть, какъ явно ложное заключеніе; изъ того что доказательство не опровергаетъ возможность противной стороны, или что не показываетъ совершенной необходимости о существованіи вещи: то изъ того не слѣдуетъ, чтобы оно насъ оставляло въ неизвѣстности.

Таковое слѣдствіе ложно, и при томъ противъ опыта, каковой всякъ можетъ видѣть въ безчисленномъ множествѣ случаевъ. Здѣсь вспомнишь только надобно то, о чемъ мы говорили въ 7 и 8мъ положеніи 6й главы.

Но поелику ешо одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ, и поелику онъ извѣстнымъ образомъ разрѣшаетъ всѣ трудности, каковыя могутъ быть въ разсужденіи нравственной извѣстности; то я намѣренъ въ слѣдующемъ правилѣ нѣсколько коснуться онаго.

СТАТЬЯ ТРЕТІЯ.

Третіе правило. Никогда не должно удаляться отъ главнаго своего предмета.

3. Коль скоро спорите о вещахъ, которыя утверждаются на нравственной достоверности, то главнѣйшимъ правиломъ да будетъ сіе, чтобы всегда останавливаться на томъ самомъ пунктѣ, о коемъ идетъ споръ, и его никогда не выпускать изъ виду.

Если употребленъ сей родъ доказательствъ, то въ немъ ничего не ищите болѣе, какъ только узнать справедливость исторіи, и вся сила въ томъ только, чтобы открыть, такимъ ли точно образомъ дѣло произошло, какъ повѣствуется, или нѣтъ. Ежели скажутъ, что, не смотря на доказательство, нѣтъ невоз-

ности, ни противоречія въ томъ, чтобы исторіи или совсемъ не было, или была вовсе иная, но я скажу вопреки, что ещѣ споръ заводятъ для того, чтобы соперника удалить отъ своего главнаго предмета.

Нравственная извѣстность имѣетъ предметомъ не простое о вещи познаніе, но дѣлопроизводство. Ея польза та, что она служитъ намъ правиломъ въ нашихъ дѣйствіяхъ.

На сей конецъ довольно знать о вещи, что она такое? И такъ есть-ли мы имѣемъ хорошія и твердыя причины, вѣрить бытію вещей, но мы имѣемъ все для насъ пошребное, когда хотимъ узнать наши въ разсужденіи шѣхъ вещей должности. Что бы для насъ въ такихъ случаяхъ принесло пользы самое строгое изслѣдованіе: совершенно ли невозможно то, чтобы вещи въ инаковомъ находились положеніи, нежели какъ онѣ намъ представлены? Да и естли бы и возможно было до сего дойти, то чтобы была изъ того за польза въ дѣлахъ жизни нашей? То, что нами должно располагать въ разсужденіи какого либо дѣйствія, ето есть созерцаніе его важности, и то вліяніе,

Час. II Ч

каковое оно имѣетъ на спокойствіе
 и щастіе жизни нашей. Теперь и вид-
 но, что сіе созерцаніе того только
 требуетъ, чтобъ мы извѣсны были
 о вещахъ, что суть онѣ такое, не
 заботясь о томъ, чемъ онѣ опіюдъ
 бытъ не могутъ. А то пустое умс-
 вованіе, всеконечно ли вещь возмож-
 на или невозможна, никакой не при-
 носитъ пользы для жизни и дѣлъ
 нашихъ. Блужденія, каковыя здѣсь
 дѣлаютъ, не могутъ дать никакого
 возраженія, которое бы что нибудь
 значило въ разсужденіи нравственной
 извѣстности.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

*Какимъ образомъ должно начинать,
 когда въ изслѣдованіи истинны хочетъ
 ся идти безопаснымъ путемъ.*

Однако я признаюсь, что много
 бываетъ случаевъ такого рода, въ
 коихъ слѣдствія ошибокъ столько
 важны, что не можно употребить къ
 тому довольно предосторожностей.
 По сему опъ меня потребуютъ нас-
 тавленія, что надлежитъ дѣлать че-
 ловѣку, которой хочетъ верно разли-

читъ истинну отъ лжи, и какимъ онъ образомъ долженъ сіе начинать, чтобы онъ въ состояніи былъ о предложенныхъ ему вещахъ по свойству доказательствъ сдѣлать здоровое сужденіе.

Извѣстно, что находятся крайне важные случаи, въ коихъ ошибка влечетъ за собою наивеличайшій вредъ. Въ числѣ всѣхъ таковыхъ, первое занимаетъ мѣсто дѣло нашего спасенія, въ коемъ все утверждается на нравственной достовѣрности.

Сіе обязываетъ меня дать нѣсколько и другихъ правилъ для тѣхъ, кои имѣютъ въ нихъ нужду: и я увѣряю тѣхъ, кои будутъ имъ слѣдовать, что сіе не останется безъ желаемой пользы.

СТАТЬЯ ПЯТАЯ.

Первое правило. Начинай съ призваніемъ Божеской помощи.

Первое, что исполнять должно, по моему совѣту, есть то, чтобъ просить съ смиреніемъ и чистосердечіемъ Благодатной помощи Великаго нашего Творца.

Разумъ поведѣваетъ намъ, при
 всѣхъ изслѣдованіяхъ истинны, и о-
 собенно при сподъ высоковажныхъ из-
 слѣдованіяхъ, просить того, коимъ
 есть самъ истинна и источникъ вся-
 кія истинны, каковая токмо нахо-
 дится во всѣхъ разумныхъ тваряхъ.
 Его благій промыслъ подаетъ наше-
 му разуму нужную къ тому силу и
 бодрость, и дѣлаетъ насъ способны-
 ми порядочно употреблять оныя во
 всѣхъ случаяхъ жизни. И потому
 нашъ долгъ есть прославлять Его
 во всякое время за такую благость,
 и просить о продолженіи оныя. Но
 сколь много болѣе обязываемся еще
 просить Его помощи, когда мы пред-
 приедемъ такіа изслѣдованія, кои
 относятся къ нашему вѣчному бла-
 женству? Ето должностъ религіи
 естественной, и самыя невѣрующіе
 Евангелію ее не отвергаютъ.

СТАТЬЯ ШЕСТАЯ.

*Второе правило. Ничего не ищи болѣе,
 кроме истинны.*

Сіе мое второе правило, по важ-
 ности своей, нимало не меньше пер-

ваго, то есть, что при изслѣдованіи истинны ничего болѣе искать не должно, кромѣ истинны.

Если при семъ имѣете какія нибудь другія намѣренія, то безъ сомнѣнія столько васъ займутъ сіи постороннія, что вы не въ силахъ будете разсуждать о вещахъ съ тѣмъ совершеннымъ безприсрасіемъ, какъ бы по справедливости поступать надлежало, и какъ вы поступали бы, когда бы ни на что другое не смотрѣли, кромѣ истинъ.

Сія самая должность указываетъ намъ и на молитву. Ибо, если призываніе милосливой Божеской помощи не было лицемѣремъ, то мы не на иной конецъ можемъ ее испрашивать, какъ только чтобъ достигнуть праваго познанія истинны. Если имѣемъ здѣсь какія другія намѣренія, то мы насмѣхаемся надъ Всевысочайшимъ.

СТАТЬЯ СЕДЬМАЯ.

Третье правило. Такимъ образомъ отбрось все предразсудки, чтобы они при семъ изслѣдованіи никакого не имѣли вліянія.

Къ симъ двумъ предуготовленіямъ, кои свидѣтельствуютъ расположение разума и чистоту сердца, должно присоединиться и истинное стараніе, освободить себя отъ всѣхъ предразсудковъ, почерпнутыхъ изъ извѣстныхъ какихъ либо системъ, или другихъ умствованій ко вреду изыскиваемой истинны.

Ето значитъ, что отъ сихъ предразсудковъ столько надлежитъ удаляться, чтобы они на наши изслѣдованія никакого не имѣли вліянія и не заграждали дороги къ шѣмъ послѣдствіямъ, къ коимъ насъ ведетъ здравой разумокъ.

Сіе дѣло весьма возможное. Ибо ето состоитъ во власти каждаго, чтобы ограничить свое воображеніе и внимать гласу разума. Ето отъ него одного зависитъ, чтобы снимать съ предметовъ ложныя цвѣты, подъ коими ихъ представляетъ намъ воображеніе, и ничему тутъ не вѣрить кромѣ того, что внушаетъ намъ разумъ. Правда, я признаюсь, что къ сему требуется время и трудъ. Но можетъ ли быть для насъ съ лишкомъ тягостно чтонибудь въ такомъ высоковажномъ дѣлѣ,

которое всякой разумной человѣкъ
находитъ необходимымъ.

СТАТЬЯ ОСЬМАЯ.

Четвертое правило. Разсматривай
вещь совершенно и порядочно.

Я совѣтую въ четвертыхъ, раз-
сматривать вещь со всѣхъ сторонъ и
по всѣмъ обстоятельствамъ, и при
томъ со всевозможнымъ стараніемъ.

Не останавливайся при мѣлочахъ,
и при томъ оппюдь не забывай важ-
нѣйшихъ вещей. Изыскивай обстоя-
тельства, на коихъ главнымъ обра-
зомъ должно основываться заключе-
ніе, и не забывай никакого. Если
вы оныя надлежащимъ образомъ из-
слѣдовали, то со тщательностію
взвѣсите ихъ силу и слабость. Слу-
шайтесь здѣсь токмо разума, а бо-
лѣе ни кого. Наблюдайте въ нихъ
только то, что дѣйствительно на-
ходится; а не то, что охотно спа-
рались бы найти предразсудки.

СТАТЬЯ ДЕВЯТАЯ.

Пятое правило. Выводи правильныя
слѣдствія изъ тѣхъ началъ, которыя
берешь за основаніе твоихъ сужденій.

Когда обстоятельства хорошо и точно взвѣшены, то извлекай свои послѣдствія по предписаніямъ самой строгой Логики. Не старайся ослѣплять самъ себя или запутывать, и останавливаясь здѣсь, какъ и вездѣ, на томъ только, что тебѣ внушаетъ разумъ. Вамъ хочется знать, какимъ образомъ можно это примѣнить? Я отвѣтствую, разсматривай только то, доволенъ ли ты своимъ праводушіемъ? Не бранишь ли за то совѣсть? Не имѣешь ли тайной нѣкакой недовѣрчивости къ способу твоихъ заключеній, когда ты оныя разсматриваешь съ твердымъ духомъ? Если нѣтъ ничего такого, то можешь быть спокоенъ, то слѣдствіе твое основательно, и ты можешь положиться на оное.

СТАТЬЯ ДЕСЯТАЯ.

Шестое правило. Не оставляй до причинъ трудности сего испытанія.

Когда случатся на семъ пути важныя трудности: то не должно оставлять изслѣдованія, доколѣ не увидишь, чѣмъ тебѣ рѣшиться.

Ежели не можно въ одно время вещь разсмотрѣть столь ясно, чѣобы быть тѣмъ довольну, то ожидай другаго, которое своему изслѣдованію обѣщаетъ лучшій успѣхъ; когда, станься можетъ, духъ будетъ способнѣе къ таковому внимательному изслѣдованію, или тѣло способнѣе и здоровѣе. Мы познаемъ всѣ изъ опыта, что не всѣ мы равно способны обѣ однихъ вещахъ и одинакимъ образомъ размышлять. Бываютъ извѣстные щастливые часы, въ кои трудности, намъ прежде казавшіяся непреодолимыми, сами собою разрѣются и исчезаютъ. Бываютъ напротивъ такія, въ кои намъ все столько кажется темно, что тогда не отваживается и самой разумной на такой бесполезной трудъ: но ожидаетъ другаго способнаго времени.

Однако умноли бы было поступлено, когда бы кто оставилъ нужнѣйшія и важнѣйшія изслѣдованія пошому только, что при первомъ или другомъ опытѣ была неудача?

СТАТЬЯ ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ.

Седьмое правило. Проси совѣта у способныхъ къ тому людей, когда не можешь самъ собою удовлетворить.

Я имѣю еще одно весьма важное правило для шѣхъ, кои желаюшъ, при изслѣдованіи истинны, безопаснѣйшимъ ипши путемъ, то есть, когда кто себѣ не можетъ удовлетворить; то безъ всякаго сомнѣнія должно спрашивать людей способныхъ намъ подать въ томъ помощь.

Епо весьма вѣроятно, что люди прилагающіе спараніе къ познанію какой либо особенной матеріи, могутъ объ ней писать съ большею основательностію и лучшимъ образомъ, нежели шѣ, кои оной никогда не учились, или въ первой разъ сей трудъ предпринимающъ. И какой можетъ быть стыдъ, требовать у другихъ совѣта въ такихъ вещахъ, отъ которыхъ зависишъ все его благосостояніе? И можно ли почестъ епо за большей стыдъ, нежели какъ въ болѣзняхъ просить совѣта у Лѣкарей.

СТАТЬЯ ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ.

Отвѣты на возраженіе, каковое беруть отъ трудности такого испытанія.

Первой отвѣтъ. Толикое же употребляютъ стараніе о вещахъ, которыми однакожъ въ половину уступаютъ важностію своею симъ.

Можетъ быть скажутъ, это будетъ стоить весьма многого труда и времени, когда бы захотѣли употребить въ дѣло сіи правила. И человекъ гораздо болѣе устрашится продолжительности и трудности сего дѣла, нежели сколько возбудится важностію онаго.

Я отвѣчаю на сіе такимъ образомъ: люди гораздо больше въ другихъ дѣлахъ употребляютъ ежедневно труда, хотя оныя гораздо меньшей стоятъ цѣны. Встаютъ рано и ложатся поздно, для малѣйшей какой выгоды, и отъ того нималога однакожъ не чувствуютъ труда. Когда находишься въ ихъ рукахъ какое либо дѣло, которое можетъ доставить имъ славу и уваженіе въ свѣтѣ; то

они напрягаютъ всѣ свои силы, прудятся, подобно невольнику, безъ всякаго отдохновенія, и даже самую жизнь и здравіе вдаютъ въ опасность. Когда же въ столь маловажныхъ вещахъ отъ труда не изнемогаютъ: то откуда же происходитъ, что въ столь важномъ дѣлѣ всякое затрудненіе усмрашаетъ и заставляетъ изслѣдованіе онаго вовсе оставить? Причину сего не трудно видѣть, потому, что не хотѣтъ за послѣднее приняться съ твердымъ предположеніемъ. И по сему вредъ, изъ сей небрежливости произходящій, слѣдуетъ приписать одной своей лѣности.

СТАТЬЯ ТРЕТИНАДЕСЯТЬ.

Второй отвѣтъ. Сей трудъ столько необходимъ, что никакимъ образомъ его оставить не можно.

Сколь мнѣшаго труда ни стоить испытаніе истинны, однако необходимо надобно избрать сей путь, если желаемъ до той степени познать ее, чтобы разумъ могъ быть удовольствованъ. Въ природѣ вещей нѣтъ никакого другаго пути къ достиже-

нію извѣстности, какъ токмо раз-
 познавать вещи, розыскивать и пра-
 вильно выводить слѣдствія изъ об-
 стоятельствъ дѣла.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯНАДЕСЯТЬ.

Третій отвѣтъ. Таковъ трудъ о-
 бильно награждаетъ выгоды, послѣ-
 дующія за онымъ.

На конецъ щастливой успѣхъ и
 польза, изслѣдованіемъ истинны при-
 обрѣтаемая, доспапочно вознагражда-
 етъ потъ трудъ, котораго оно намъ
 стоитъ. Это въ сей жизни достав-
 ляетъ спокойствіе душамъ, а въ бу-
 дущей безконечное блаженство. Миѣ-
 ніе, каковое мы избираемъ въ раз-
 сужденіи религіи, составляетъ наше
 щастіе, или нещастіе прежде и послѣ
 смерти. И по тому всякой разумной
 человѣкъ видитъ, сколь много сія
 польза достойна того труда и тща-
 нія, котораго отъ него требуетъ.

СТАТЬЯ ПЯТАЯНАДЕСЯТЬ.

Сему изслѣдованію бываетъ конецъ!
 Послѣдствія порядочнымъ и такимъ

способомъ выведены, что необходимо убеждаютъ согласиться на нихъ разумъ.

Ежели спрашиваютъ: когда ранѣ трудъ сей кончается, и скорѣе можно сказать, что удовлетворено разуму? То я отвѣчаю, сіе бываетъ тогда, когда по тщательномъ и прилѣжномъ изслѣдованіи, приобретають ясную извѣстность, обязывающую разсудокъ умной твари къ согласованію. Тогда, говорю я, можно человеку успокоиться и твердо быть увѣрену, что онъ правъ въ епомъ поступкѣ.

Однако прежде надобно быть увѣрену о сихъ двухъ пунктахъ: 1 е, что всѣ предписанныя правила тщательно соблюдены. 2 е, что ясная извѣстность, спяжанная въ семъ случаѣ, имѣетъ всѣ въ себѣ признаки той ясной извѣстности, о которой мы доказали, что она всякаго обязываетъ къ согласованію съ нею. Ежели кто не удостовѣренъ о томъ или другомъ, то я за вѣрность заключенія не ручаюсь. А когда въ томъ и другомъ увѣрены, то заключеніемъ совершенно могутъ быть довольны.

СТАТЬЯ ШЕСТАЯНАДЕСЯТЬ.

Въ неложности вышепоказаннаго заключенія удостовѣряются тѣмъ, что способности, коими одарилъ насъ Богъ, употребляютъ надлежащимъ образомъ.

Но отсюда рождается новой вопросъ, а именно: желанельно знать, какимъ образомъ можно себя удостовѣрить, что я не обманываюсь въ умозаключеніяхъ, естли наблюдаю оба помянутые пункты? Мы почитаемъ за справедливое показать на сіе доказательства.

Первое есть сіе: Преплагій и Премудрый Творецъ, благоволилъ создать насъ разумными существами, даровалъ и нужныя способности различать добро отъ зла и истинну отъ лжи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ мы имѣемъ нѣкоторую нужду въ семъ различеніи.

Естли бы онъ не далъ намъ сей способности, то намъ отнюдъ не дѣзя бы было показать себя разумными существами. И такъ мы, не имѣя сей способности, не были бы

болѣе обязаны ни къ какому долж-
ностямъ, какъ относительно къ Бо-
гу, такъ и людямъ. Ибо, какъ
можемъ мы быть обязаны дѣлать не-
возможное? И не было ли бы для насъ
совершенно невозможно поступать
праведно, кромѣ слѣпаго какого слу-
чая, когда бы мы не знали, что спра-
ведливо или нѣтъ.

И такъ по необходимости долж-
но сдѣлать одно изъ двухъ, т. е:
или не должно болѣе числить себя
между разумными существами, а спа-
вить на ряду съ послѣдними живош-
ными; или должно вѣрить, что Богъ
далъ человеку силы, потребныя къ
выполненію того намѣренія, которое
онъ имѣлъ при его созданіи.

СТАТЬЯ СЕДЬМАЯНАДЕСЯТЬ.

Если обманываются, то произхо-
дитъ сіе отъ того, что сами охот-
но вдаются въ обманъ.

Теперь видно, какимъ образомъ
можно быть увѣрену, что ты не-
обманываешься въ показанныхъ случа-
яхъ. Ибо, если съ одной стороны
все сдѣлано, чего можно требовать

отъ разумной твари, старающейся доходить до ясной истинны. И если ли съ другой стороны Богъ не можетъ быть ни виновникомъ, ни орудіемъ къ обману; то слѣдуетъ, что въ важныхъ случаяхъ можно съ точностію различать истинну отъ лжи, еслили искренне изслѣдывать вещи и при томъ вникать здравому разсудку. Можно положить на вѣрное, что люди никогда не обманутся, еслили сами не отдадутся въ обманъ, и какъ можетъ сіе статься, еслили всѣ средства и всѣ силы, кои даруетъ намъ Богъ, будемъ употреблять такъ, какъ мы обязаны и сколь много позволятъ намъ наши силы?

СТАТЬЯ ОСЬМАЯНАДЕСЯТЬ.

Сіе несчастіе происходитъ не отъ всеобщей только слабости человеческой.

Пусть ни въ не противоположаютъ всеобщей слабости человеческой, которая подвергаетъ ихъ несчастію обманывать самихъ себя, или чрезъ другихъ быть обманутыми. Все сіе не можетъ дать права никому ко всегдашнему сомнѣнію, и не что иное.

Час. II

III

есть, какъ постыдное извиненіе обыкновенной лѣности.

Пусть мнѣ отвѣчаютъ, естли можно, на слѣдующую Дилемму.

Слабость человѣческой природы или въ самомъ дѣлѣ такова, что люди принуждены пребывать въ вѣчномъ сомнѣніи, или не такова.

Ежели утверждаютъ первое, то или должны отрицать всякую обязанность къ должностямъ, какія належають разумной швари; или погрѣшивъ прошиву совершенствъ Бога и утверждать, что Онъ возложилъ на человѣка всѣ сіи должности, не давъ ему довольныхъ силъ къ исполненію оныхъ.

Естли утверждаютъ послѣднее, то должно имъ самимъ признаться, что всѣ недостатки природы человѣческой не могутъ подать никакой причины къ безпрестанному сомнѣнію и ничего не доказываютъ, кромѣ необходимости, употреблять всякое стараніе и величайшую осторожность, въ избѣжаніи заблужденія. Но не сіе ли самое я и старался доселѣ внушать?

Статься можетъ, что иные обманулись въ сихъ изслѣдованіяхъ,

даже что впади при семъ случаѣ въ
 гораздо большія заблужденія. Статъ-
 ся можетъ, что сіе съ ними и слу-
 чилось, потому что они много по-
 лагались на нравственную извѣст-
 ность; не ужели не лѣзя намъ из-
 бѣгнуть того камня, о которой они
 прешкнулись? И ихъ паденіе должно
 ли быть поводомъ другимъ къ пре-
 небреженію ихъ должности? Они
 заблудили, говорятъ, очень много по-
 ложась на нравственную извѣстность;
 хорошо! Но что же у людей оста-
 нется, еслии утвердять на семъ
 примѣрѣ, выдадутъ ее за совершенно
 подозрительную? Не ужели вѣрятъ,
 что всѣ въ Математикѣ сдѣланныя
 заключенія справедливы; и случалось
 ли когда либо, чтобъ кто наску-
 чилъ своею жизнію, поелику столь
 многіе рабы сладострастія употреба-
 ютъ во зло ону?

СТАТЬЯ ДЕВЯТАНАДЕСЯТЬ.

Всѣобщій источникъ заблужденія, въ
 которой владають при изысканіи ис-
 тинны.

Прежде, нежели мы совершенно
 кончили членъ о нравственной из-

вѣспности, покажемъ вѣ крапцѣ, какія сущь общественнѣйшія причины и обыкновеннѣйшіе источники ложныхъ заключеній, которыя дѣлаютъ при изысканіи истинны. Отсюда увидимъ, что люди всегда нѣкопрымъ образомъ оспаются вѣ томъ виновными, что они обманываются.

1. *Ежели они заключають изъ несправедливыхъ началъ, то слѣдствіе, извлеченное изъ оныхъ, вовлекаетъ ихъ вѣ погрѣшность, хотя оно правильно выведено.*

Такимъ образомъ можно обмануться, естли заключають изъ тѣхъ началъ, которыя или нисало не принадлежатъ къ той вещи, или недостаточны, или чрезмѣрны. Сей послѣдній пунктъ множайшія предъ прочими раждаетъ погрѣшности. Ибо здѣсь множество предмѣтовъ подавляетъ и запутываетъ разумъ. Отсюда происходитъ, что выводятъ послѣдствія, между собою противорѣчущія, и вѣ сей запутанности избирають изъ нихъ такое, которое наиболѣе нравится предрассудкамъ.

2. *Какъ можно обмануться, естли изъ ложныхъ началъ правильнымъ образомъ слѣдствія выводятъ; такъ*

обманываются и съ другой стороны, естли справедливыя имѣя начала, неправильнымъ образомъ изъ оныхъ выводятъ послѣдствія. Сіе по большей части происходитъ отъ незнанія, отъ нерадѣнія, отъ поспѣшности, отъ пристрастія и отъ тысячи другихъ подобныхъ причинъ.

Отсюда ясно видѣть можно, какой должно избирать путь, естли хочешь избѣгнуть ложныхъ заключеній? Испочникъ заблужденія показываетъ намъ, какимъ образомъ можно идти противу оныхъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

въ которой показывается, сколь невозможно то, чтобъ Богъ далъ обману все признаки истинныя.

Мы приступаемъ къ третьей статьѣ сдѣланнаго нами чертежа. Она состоитъ въ томъ, чтобъ показать, сколь невозможно то, чтобъ провидѣніе Божіе когда либо восхотѣло или попустило единому обману, имѣть все признаки выше нами показанной ясной известности.

Сіе не требуетъ никакого доказательства предъ очами тѣхъ, которые вѣрятъ бытію существа, столько же необходимаго, какъ и то, которое создало и управляетъ міромъ. И такъ не будемъ мы предпринимать никакихъ тщетныхъ усилій. Всякъ, кто можетъ знать, что Богъ есть вѣчная истинна, безконечная благость, непорочное правосудіе, такъ, что Онъ не можетъ ни издѣваться надъ своими твореніями, ни дать имъ неспособныя къ употребленію силы; всякъ, говоря, можетъ ясно понять однимъ естественнымъ разсудкомъ, что вовсе невозможно, чтобы Богъ далъ обману всѣ признаки истинны.

И такъ мы ничего болѣе не остается дѣлать, какъ показать одни послѣдствія изъ сего начала, и такимъ образомъ окончить вторую мою часть.

Послѣдствія: 1. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ мы можемъ удостовѣриться въ показанной нами извѣстности, можемъ также быть увѣрены въ томъ, что не обманываемся, подавая наше на оныя согласіе.

2. Если успѣхъ изслѣдованія не таковъ, какъ мы надѣялись, то

что происходитъ изъ того, что доказа-
 тельства, изъ коихъ мы заключа-
 ли, не составляютъ довольно основ-
 ванія для послѣдствія, которое мы
 изъ оныхъ извели. Мы конечно какъ
 нибудь ошиблись, сами того непри-
 мѣшивъ.

3. Если мы ясными и неоспо-
 римыми признаками обезопасены отъ
 обмана, то можемъ совершенно увѣ-
 риться, что тѣ доказательства, ко-
 ими стараются ошибку сдѣлать въ-
 роятною, по надлежащемъ изслѣдованіи
 оныхъ, найдутся пустыми и бѣдными.

4. Если люди весьма много
 находятъ пользы, чтобъ вѣрить из-
 вѣстнымъ некоторымъ вещамъ, то мы
 можемъ себя увѣрить, что провидѣ-
 ніе Божіе представитъ оныя вещи со
 всѣми знаками ясной достовѣрности,
 которая потребна, чтобы разумныя
 существа обязать согласиться на
 оныя.

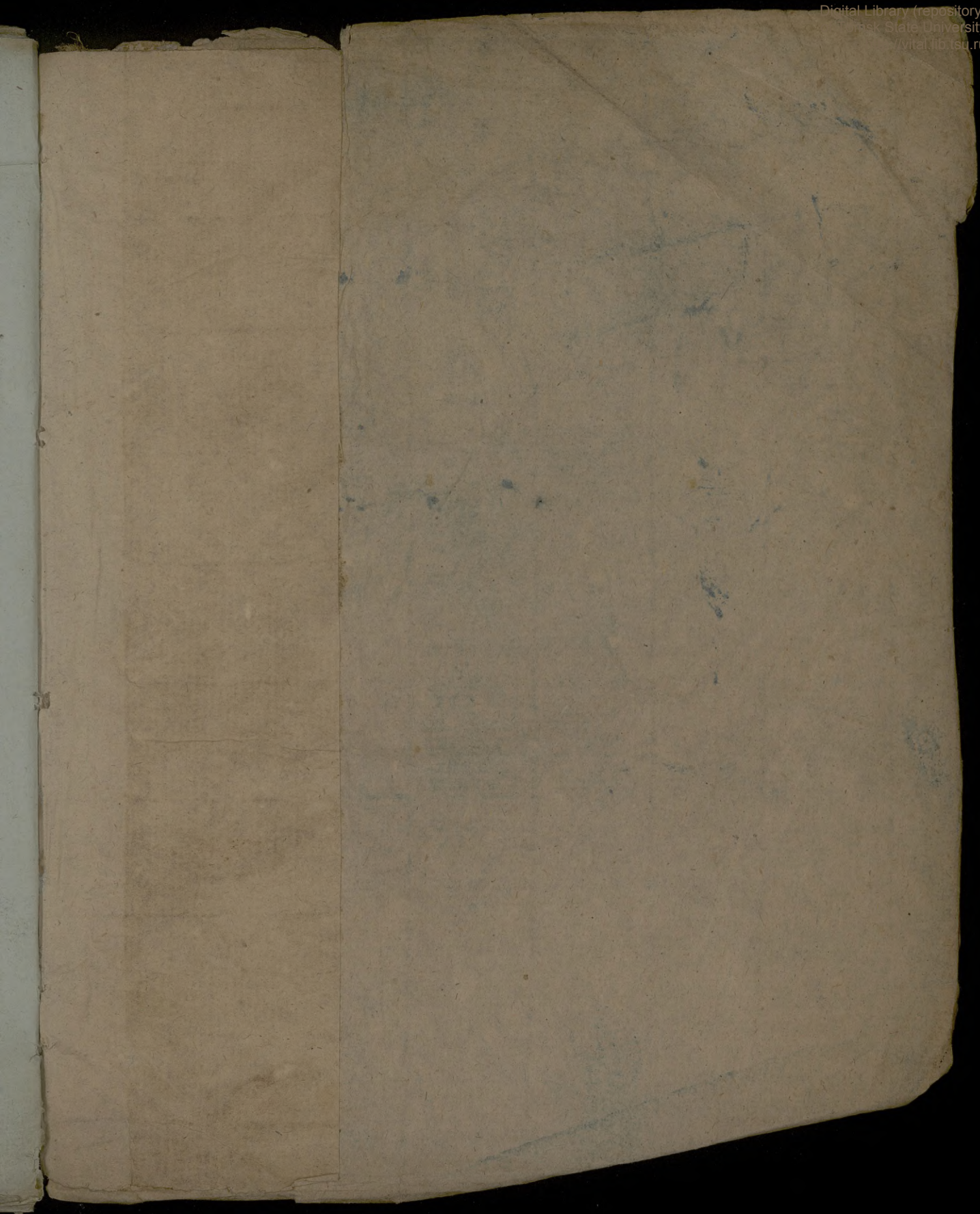
Я сознаюсь, что сіе не вытека-
 етъ изъ общаго положенія непосред-
 ственно. Однако происходитъ непосред-
 ственно изъ доказательства сего
 положенія, то есть: изъ неограничен-
 ныхъ совершенствъ Всевышняго.

Вѣрно, благость Бога столь же
 сильно Его побуждаетъ важнымъ ис-

иннамъ дать пошребную мѣру досто-
вѣрности, сколько убѣждаютъ его про-
чія свойства спасать оныя отъ обмана.
И такъ я заключаю тѣмъ, что мы,
при всѣхъ вещахъ, которыя относятся
къ человѣческому щастію, и которыя
должны имѣть доказательствомъ нрав-
ственную достоверность, можемъ
быть увѣрены, что при изслѣдованіи
оныхъ, найдемъ ту степень нравст-
венной извѣстности или достовернос-
ти, которая соотвѣтствуетъ внуш-
ренней цѣнѣ и важности вещей, и,
по всѣмъ отношеніямъ, достаточна
увѣрить разумъ нашъ о истинности
и дѣйствительности оныхъ.

Теперь приступимъ къ изслѣдо-
ванію доказательствъ о Воскресеніи
Господа нашего Іисуса Христа, что-
бы увидѣть, имѣютъ ли онѣ свойст-
ва тѣхъ доказательствъ, о которыхъ
мы говорили, или нѣтъ. Это есть
четвертый и послѣдній пунктъ въ
сдѣланномъ нами чертежѣ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ую мѣру досто-
здаютъ его про-
ныя отъ обмана.
пѣмъ, что мы,
орыя относятся
пю, и которыя
ельствомъ нрав-
ость, можемъ
ри изслѣдованіи
шепень нравст-
и достовѣрнос-
пвуемъ внут-
сти вещей, и,
о, достаточна
о истинности
ныхъ.

жѣ изслѣдо-
о Воскресеніи
Христа, что-
и онъ свойст-
ъ, о которыхъ
ъ. Это есть
пунктъ въ
жѣ.

ЧАСТИ.

